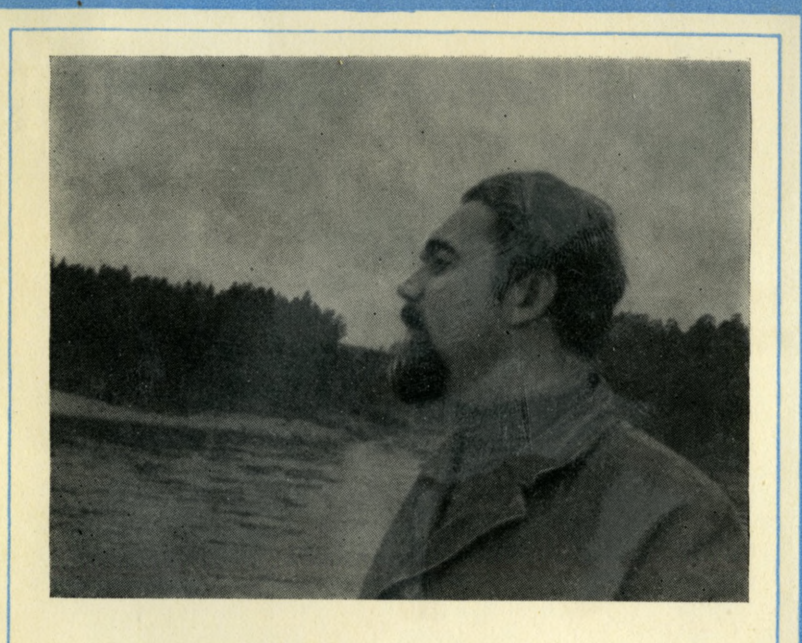
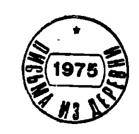
Писатель и время

Илья Фоняков

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Илья Фоняков

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ». МОСКВА — 1975

333
Ф78

Нечерноземье — край дивной природной красоты, славного исторического прошлого, богатейших и поныне еще не полностью реализованных экономических возможностей. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР» знаменует собой новый этап в жизни этого края.

Как наилучшим образом распорядиться щедрыми государственными ассигнованиями? Как сделать сельскохозяйственный труд интересней и привлекательней для сегодняшней молодежи, образованной и начитанной? Каким должен быть облик новой деревни? Эти вопросы подняты автором — известным ленинградским поэтом и прозаиком — в очерках «Этажи деревни» и «Порядок слагаемых», где рассказано о селах и деревнях Ленинградской и Псковской областей.

Поэтичные страницы посвящены Сибири, где Илья Фоняков долгое время жил и работал. В очерке «Памятник жатве» перемежаются стихи и проза, воспевая героев трудной сибирской жатвы 1972 года.

Ф $\frac{70302-114}{М-105(03)75}$ Б341—1975—19

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ

(Вместо предисловия)

Ты удивишься, наверное, увидев, что я решился собрать в небольшую книжку мои «деревенские» очерки и заметки — разумеется, расширив и дополнив их весьма существенно по сравнению с публикациями в периодике. Не «деревенщик» я, ты знаешь, никогда не был таковым и, по всей вероятности, не буду. Родился в городе, вырос в городе, люблю город. Люблю его улицы, набережные, театры, трамваи, даже задымленное небо люблю, сколь бы убедительно мне ни говорили о пагубном воздействии городского «смога» на человеческий организм.

Да, горожанин я. Горожанин — до мозга костей.

Но, может быть, именно поэтому я особенно остро чувствую — с детства! — сколь многим я обязан тем, кто живет в деревне, сколь сильно я зависим от них. Я не могу не помнить об этом, покупая в соседней булочной румяный, свежий хлеб. Я не могу равнодушно видеть кусок хлеба, валяющийся в пыли: ведь я же еще и блокадник! Я никогда не побрезгаю ломтем, случайно упавшим на пол. А когда в иной городской столовой равнодушные руки ставят передо мной нечто малосъедобное, когда-то бывшее куском мяса, мне становится стыдно.

Я не могу забывать о том, что люди в деревне живут еще во многих отношениях трудней, чем мы, горожане. У них теперь хорошие заработки. Но я не могу тут же не вспомнить слова героя прекрасного фильма «Печки-лавочки», тракториста: в городе за твой рубль тебе тут же и спляшут и споют, а в деревне с этим рублем

еще побегать надо, пока получишь то, что тебе необходимо. Не о хлебе, конечно, речь. Но ведь и не хлебом единым человек жив! Я не могу не думать о том, что быт жителей села еще куда более трудоемок, чем быт горожанина. И далеко еще не достаточна степень механизации труда в сельском хозяйстве, еще велика доля труда ручного, заниматься которым, допустим, после окончания десятилетки, после того как постигнуты начала квантовой физики и премудрости логарифмирования,— перспектива маловдохновляющая.

Именно по этим причинам я никогда, в бытность еще сотрудником областной газеты в Сибири, не отказывался от «сельских» командировок, хотя основная «специализация» у меня была другая. Именно поэтому и сейчас считаю себя обязанным быть по возможности в курсе того, что происходит в деревне, оставаясь при этом убежденным горожанином.

Кроме того, я не думаю, что о делах деревенских должны писать исключительно «узкоспециализированные» «деревенщики», равно как о проблемах, возникающих в индустриальной сфере,— столь же «узкоспециализированные» «индустриальщики». Один знакомый писатель-очеркист, взявшийся за непривычную для себя тему, сказал мне как-то, что это нужно делать время от времени — чтобы шире смотреть на мир, чтобы «своя», давно избранная и излюбленная тема не застила весь небосклон, чтобы иногда соотносить ее с иными областями человеческой деятельности...

Первые две главки этой книжки связаны с нашим европейским Нечерноземьем, переживающим сейчас весьма важный период своей истории.

Две остальные — с Сибирью, где мне довелось жить и работать многие годы.

ВСТРЕЧИ В НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ

1. Этажи деревни

Сначала мне показали эту деревню на фотографии, в институте «Ленгражданпроект», на Фонтанке. Светлые, залитые солнцем фасады стандартных пятиэтажных домов. Это вполне могло быть уголком одного из городских жилмассивов — в Ленинграде или в Москве, в Новосибирске или в Тюмени, в Белгороде или Пскове. Впрочем, было в пейзаже и что-то неуловимо свое, особенное. Пожалуй, именно освещение, распределение света и теней. Хотя дома занимали основную часть снимка и для природы места почти не оставалось, все же можно было догадаться, что стоят они вольно, окруженные лесом и полем, а не тесной толпой таких же корпусов, похожих друг на друга, словно вагоны электрички.

Позднее мне довелось побывать во многих подобных деревнях. Да, уже — во многих: здесь, в Ленинградской области, многоэтажные деревни не редкость. Из окон верхних этажей видно далеко-далеко: луга, перелески, голубые лекала небольших речек, рыжие поля с куполообразными копнами соломы, оставшимися после комбайна, синий бензиновый дымок над игрушечно маленьким трактором.

Запомнилась и такая картина: по одну сторону неглубокого ложка — низкие деревянные домики под шиферными и тесовыми крышами, с огородами и колодцами, по другую — многоэтажный жилой массив. Встреча города с деревней. Только вопреки ожидаемому бревенчатое одноэтажие — это как раз город. Город Любань Тосненского района Ленинградской области. А пятиэтаж-

ные великаны — деревня: жилой поселок совхоза, который называется тоже «Любань». По ложку проходит граница территорий, подведомственных городскому и сельскому Советам.

— Построили в совхозе баню,— говорит председатель сельсовета Феликс Константинович Беляев,— так вы знаете, кто ею в основном пользуется? Горожане, вот кто! У рабочих-то совхоза в большинстве — ванны...— И тут же, без видимой внешней связи, добавляет: — А на днях мы «закрыли» одну деревню — Тухань. Приняли решение вычеркнуть ее из списка населенных пунктов. Последние жители переехали оттуда в новый поселок. Старая была деревня, бесперспективная...

Такая вот «полярность» явлений.

Что и говорить, грустно, когда пустеет, безлюдеет место, обживавшееся, может быть, веками. Веками — это не преувеличение: русское Нечерноземье — земля с богатой историей, иная незаметная деревушка может оказаться лет на двести старше самого Ленинграда. Да вот и пример — далеко ходить не надо: тосненская газета «Ленинское знамя» публикует заметку краеведа З. Соколинского, в которой сообщается, что деревня Трубников Бор упоминается еще в новгородской «Писцовой книге Вотской пятины» за 1500 год и названы в той книге поименно некие Ивашко Кузьмин и Яшко Нестеров, которые еще в те далекие времена здесь «рожь сеяли да сено косили». Тосно, Любань — места, как известно, радищевские: где-то здесь автор «Путешествия из Петербурга в Москву» беседовал с крестьянином, пахавшим ниву «с великим тщанием». Исторические, литературные ассоциации неизбежно придут на память в любом районе, в любой области Нечерноземья. И, думается, это — не отвлеченная лирика. Велика роль здешних земель в исто-

рических судьбах нашей Родины, и не только в давние времена. Земли это любимые, близкие сердцу, и в сегодняшних раздумьях об их настоящем и будущем это обстоятельство мы должны учитывать наряду с чисто хозяйственными соображениями.

Когда-то, студентами, мы выезжали сюда на летние стройки. Тогда — не в упрек нынешним ребятам — не было и речи о каких-то заработках. Не было и в помине романтической униформы. Иные были годы — трудные, послевоенные: помню колхоз, в котором на трудодень приходилось по двести граммов гороху. Мы, в большинстве своем горожане, строили маленькие межколхозные электростанции, коровники и конюшни. И глядели, глядели во все глаза, открывая для себя жизнь, существенно отличающуюся от музыкальных цветных кинофильмов. Это была хорошая школа, ибо созерцание не было праздным. Перестали казаться скучными сельскохозяйственные полосы областных газет: мы научились читать их, научились давать по-юношески резкие отповеди тем, кто в своем отношении к сельской проблематике недалеко ушел от Мирры Лохвицкой, с очаровательным простодушием выговаривавшей в свое время Бунину за то, что он пишет про мужиков: «Пусть себе живут и пашут, нам-то что до них?»

Годы прошли. Давно канули в прошлое поразившие нас когда-то «двести граммов гороха»: сегодняшний порховский или гатчинский крестьянин выбирает в раймаге костюм подороже. И все же до последнего времени оставалось ощущение, что многие возможности этого края остаются нереализованными. И недаром всеми, с кем мне приходилось беседовать, было воспринято как самая необходимая и своевременная акция постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по

дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР».

Тридцать пять миллиардов рублей государственных ассигнований на 1976—1980 годы! Триста восемьдесят тысяч тракторов, девяносто четыре тысячи зерноуборочных комбайнов, двести тридцать тысяч грузовых автомашин для колхозов и совхозов Нечерноземья... Гигантский объем мелиоративных работ, известкование кислых почв на двадцати трех миллионах гектаров. Свыше двадцати пяти тысяч километров автомобильных дорог с твердым покрытием...

Дело предстоит не менее, а, пожалуй, более сложное, чем целина, чем Красноярская и Братская ГЭС. И люди отдают себе в этом отчет, в беседах преобладает интонация деловитой озабоченности. Это — не от сомнения в своих силах. Это — от зрелого опыта, говорящего, что деньги сами не работают, что миллионами и миллиардами надо еще распорядиться так, чтобы они дали должный эффект.

Процесс постепенного «умирания» маленьких, лишенных экономической перспективы населенных пунктов, при всех его грустных сторонах, конечно, естествен и неизбежен. Естественно тяготение людей к более крупным поселениям, туда, где можно найти и работу поинтереснее, и условия жизни — на уровне современных требований. И неспроста в статистических документах значатся сегодня деревни с населением в два, три, пять, семь человек. Председатель отдаленного Апраксинского сельсовета Владимир Александрович Васильев рассказывал мне о деревне Александрово, где остался всего один житель в трудоспособном возрасте, да и тот — почтальон на полставки, о другой деревне, где в начальной школе всего два ученика. В скобках можно, правда, заме-

тить, что питомцы этой школы, после того как они малость подрастают и начинают ходить за несколько километров в школу побольше, почти неизменно оказываются в числе лучших: все-таки в крохотной школе старушка учительница имеет редкую возможность работать индивидуально с каждым учеником! Но так или иначе все эти деревни и поселки — ближайшие кандидаты на исключение из списка «жилых мест».

Процесс, повторяю, неизбежный.

Но это не значит: неуправляемый.

Вовсе не безразлично, где бросит якорь человек из «бесперспективной» деревни.

Демографы одной из кафедр географического факультета Ленинградского университета вот уже несколько лет изучают на договорных началах проблемы народонаселения Нечерноземья и выработали некоторые рекомендации.

Я слушал одного из исполнителей этой работы, кандидата экономических наук Валерия Борисовича Табачникова, и, каюсь, при всей серьезности, а иногда и тревожности наблюдений некое чувство цеховой гордости шевелилось в моей душе: что ни говори, а все те явления, которые констатируют сейчас ученые, опираясь на огромный фактический материал, обработанный с помощью электронной техники, давно уже были замечены и осмыслены нашей публицистикой, поэзией, прозой. В том числе прежде всего и такая проблема, которая на языке науки называется «ухудшением половозрастной структуры сельского населения Нечерноземья». То, что во многих хозяйствах преобладают люди пожилого возраста, что после службы в армии лишь менее половины молодых людей возвращаются в родные села, что это ощущается вдвойне остро в условиях не-

черноземной зоны, где сосредоточены крупнейшие промышленные центры, предъявляющие неограниченный спрос на рабочую силу,— истины далеко не новые. Это не в умаление заслуг ученых-демографов: все-таки одно дело — наблюдение художника, с которым можно и поспорить, другое — те же выводы, подкрепленные объективным анализом многочисленных цифр и фактов. В числе рекомендаций, выдвигаемых учеными, первое место занимают «мероприятия по сселению сельского населения в небольшое количество перспективных населенных пунктов, имеющих наилучшие потенциалы развития...». По всей нечерноземной зоне из общего числа 143 тысяч населенных пунктов в настоящее время выделено 29 тысяч перспективных, из них в свою очередь отбираются наиболее перспективные, первоочередные. «Определена большая программа по преобразованию сел и деревень в благоустроенные поселки совхозов и колхозов, строительству общеобразовательных школ, интернатов, детских дошкольных учреждений, домов культуры, клубов, больниц, комбинатов бытового обслуживания и других культурно-бытовых объектов»,— говорится в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР».

Какими же должны быть они, эти преобразованные перспективные населенные пункты?

Что такое, в частности, наш пятиэтажный или другой многоэтажный дом, издалека видимый на равнинном просторе? Маяк? Или причуда века, искусственное перенесение городских форм жизни в иную обстановку?

Да простится мне, кстати, что, вольно или невольно, у меня выдвигается на первый план эта проблема: облик села, быт, узко говоря — жилье. Мы привыкли к иному

«порядку слагаемых». Но, может быть, не вечен он, этот порядок? Вот ведь печатает «Наш современник» великолепную статью Юрия Черниченко «Человек на машине», в которой идет разговор о наших тракторах и комбайнах не с точки зрения их мощности, производительности, проходимости и других технических характеристик, а совсем в ином плане: насколько удобно работать на них трактористу и комбайнеру. И, помимо аспекта чисто гуманитарного, здесь очевидны заботы самые практические: будет человеку на машине хорошо, сможет он приходить на работу в чистом костюме, как горожанин,— и дело пойдет лучше, и не станут, как сейчас, уходить с комбайнов и тракторов квалифицированные и сметливые, знающие себе цену люди!

Примерно так же обстоит дело и с бытом.

Первые агрогорода, первые многоэтажные дома в сельской местности вызвали когда-то изрядную дозу скепсиса. Некоторые аргументы прозвучали довольно убедительно. Стоит ли, в самом деле, превращать деревню в «ухудшенный город», по выражению одного публициста? Ведь по части комфорта, культурного «сервиса» ей город все равно не догнать, а значительная часть деревенских прелестей окажется безвозвратно утраченной! Нельзя ли развивать и улучшать деревню именно как деревню, с березкой у родного крыльца, с подсолнухом, глядящим через плетень, с начинающимися прямо от порога росистыми тропинками, по которым так хорошо пробежать босиком? Не оторвется ли душой от земли сельский житель, вознесенный на верхние этажи коммунального небоскреба? Какой смысл жить в деревне, если не будет парного молока, свежего, только что с грядки, огурца к столу? В многоэтажной деревне все это весьма осложняется! Сельский житель к своему приуса-

дебному хозяйству привык, без него жизни не мыслит...

Все это не праздные, не риторические вопросы. Жизнь давала определенную почву для такого рода сомнений. Несколько лет назад мне довелось быть в сибирском совхозе, который одним из первых воздвиг на своей центральной усадьбе два пятиэтажных дома. И столкнулся с проблемой: хлоборобы и животноводы крайне неохотно шли жить в «городские» квартиры. Дома заселила сельская интеллигенция, железнодорожники с близлежащей станции. А те из совхозных производственников, которые все-таки вселились в «пятиэтажки», и впрямь постепенно утрачивали связь с землей, уходили один за другим из совхоза. На ту же хотя бы железную дорогу.

Но то было несколько лет назад в Сибири.

А сегодня — в европейском Нечерноземье?

Спор продолжается и по сей день — видимо, предмет его представляется актуальным.

Авторы многих статей и очерков не приемлют многоэтажного села, ратуют за привычный «избяной» облик деревенской улицы.

А вот иная точка зрения, принадлежащая одному из моих постоянных корреспондентов, педагогу, много лет учительствующему в селе: «Я думаю, человеку нынешнему не будет скучно без прясел, жерновов, коровьего навоза на родимом подворье. Старшее поколение прошло через все это, частично и люди нашего возраста захватили той жизни кусочек, а что было за теми поэтическими пряслами? Тяжкий ручной труд, нужда послевоенная. И вся поэтическая сторона, будем говорить, старой деревни дорога была крестьянину не потому, что липа вкусно пахнет, а потому, что он тут вложил в землю всю жизнь. Так, нравится геологам Таймыр, а шахтерам

подземелье. Мне же думается, что когда-нибудь у нас будет стоять один на всю деревню каменный пятиэтажный «пятистенник» со скромной табличкой «Бондарка» или «Озерки». Чего-чего, а уж грязи топтать по осени будут меньше...»

Ввязываясь в этот спор, я прекрасно отдаю себе отчет, что не для всех населенных пунктов, даже названных перспективными, он является сиюминутно злободневным. Средства выделены солидные, программа намечена обширная, но ведь и казна, как говорится, не без дна, и тут уже, безусловно, прав Сергей Викулов, писавший в своей статье «Крестьянский дом», что надо мобилизовать все возможности, в том числе всячески поощрять индивидуальное строительство. Во всяком случае процесс преображения деревни — это процесс десятилетий. Необходима очередность. Необходимы — здесь поэт снова прав — эксперименты.

Ленинградская область — несколько специфический случай. Специфика, между прочим, вещь обоюдоострая. С одной стороны, положение Ленинградской области, конечно, выгодное: мощная промышленная база Ленинграда, развитая транспортная сеть — все это вещи существенные. К тому же сельское хозяйство области, по причинам вполне понятным, является предметом особых забот: за последние годы по нему были приняты специальные решения, основные цифры из которых вошли в постановление по Нечерноземью почти без изменений. С другой стороны — та же близость и доступность огромного города создает свои сложности. Где еще десятиклассник сельской школы, приехавший в город на воскресенье, увидит столько завлекательных приглашений различных ГПТУ, гарантирующих по окончании постоянную городскую прописку? Впрочем, не обязательно и переезжать

в город. Если район пригородный, лежащий в пределах часа езды на электричке от одного из ленинградских вокзалов,— можно жить в сельской местности, а работать в Ленинграде. В том же Тосненском районе так живет до сорока процентов трудоспособного населения! Все это говорится к тому, что условия Ленинградской области отнюдь не тепличные. Скорее можно назвать ее пригородные районы гигантской экспериментальной площадкой.

А если говорить в целом о Нечерноземье, то, по-видимому, главное направление сельского строительства заключается в сочетании городских жилищно-бытовых удобств с преимуществами сельской местности.

Поднимаюсь по лестнице пятиэтажного дома.

Встречный мальчишка вежливо поздоровался с незнакомым человеком: сельская традиция!

В квартире звеньевого-картофелевода совхоза «Ушаки» Виктора Александровича Захарова — полированный городской уют, сверкающая белизной кухня, плита со счетчиком времени. Пожалуй, даже эффектней, щеголеватей, чем в городе.

— Раньше-то мы в деревянном доме жили, барачного типа,— рассказывает хозяйка Валентина Капитоновна, работница тепличного хозяйства совхоза.— Жили, как заведено в деревне: огород, поросенка держали. И не то чтобы уж так материально было необходимо: традиция! Никуда не уйти, не уехать ни на один день. Теперь уж и не вспоминаю, как тогда жили: привыкли к новой квартире. Отработал день — и сам себе хозяин. Молоко? Так в совхозе, в магазине покупаем, перебоев не бывает. Картошка, правда, своя, отвели нам участок в поле, са-

жаем. И то больше по привычке. Не было бы своей — тоже всегда в совхозе купить можно.

— Привыкли,— вторит хозяйка другой квартиры, Валентина Михайловна Барышникова, тоже тепличница.— О печке, о дровах — никакой заботы. Вот, правда, зимой, когда сильные ветры дуют, бывает холодновато...

Это справедливое замечание. Пятиэтажные дома на центральной усадьбе «Ушаков» построены по городским проектам, перенесенным в сельские условия без всяких изменений. Между тем в городе дома стоят все-таки толпой, прикрывая и грея друг друга. А тут — иное дело.

— А в общем — хорошо. Не сравнить с прежним,— повторяет хозяйка.

Еще и еще квартиры. Очень разные квартиры. В одних — «супергородская» обстановка, в других — традиционные сельские сундучки и половички. Но везде — безоговорочное приятие новых условий жизни, ни единого вздоха по поводу парного молока или зеленого лука прямо с грядки. А когда заговариваешь об этом, в ответ только улыбаются снисходительно.

Три пятиэтажных дома — два заселенных и один строящийся — на площадке будущего поселка Сельцо совхоза «Агротехника» вызывали особенный интерес. Дело в том, что еще в Ленинграде, в мастерской «Ленгражданпроекта», мне показали этот поселок в целом — фотографию с макета. Проект одержал победу на конкурсе, он создавался специально для села, с учетом уже имевшегося опыта. Архитектор Владимир Евгеньевич Эльсгольц припомнил дискуссии, кипевшие в последние годы среди его коллег и работников сельского хозяйства: были сторонники двухэтажной застройки, многие высказывались за три-четыре этажа. Показательно, что с течением времени точка зрения «производствен-

ников» сдвигалась в сторону большей этажности. Даже руководители одного из совхозов, в свое время выступавшие в печати против «небоскребов в поселке», в конце концов оказались за «небоскребы». Это и понятно: компактная многоэтажная застройка дает возможность обеспечить максимальный комфорт, не растягивая коммуникаций.

Перед тем как проектировать Сельцо, поехали в совхоз «Гомонтово» Волосовского района, в деревню Бегуницы, где уже несколько лет эксплуатировались многоэтажные дома, выслушали пожелания их обитателей. Против ожидания сельчане, даже те, кто постарше, не проявили особой озабоченности по поводу огородов и стойл для домашнего скота. Посоветовали расширить кухню, сделать побольше встроенных шкафов, один из них — холодный: зимний «пассивный» холодильник. И еще — о чем сами проектировщики никогда бы, возможно, не подумали — сказали, что надо бы предусмотреть кладовую с вентиляцией для сушки одежды: сельский житель работает большей частью на открытом воздухе, причем — в любую погоду...

Все пожелания учтены в экспериментальном проекте.

— В том числе и наши, конечно,— говорит секретарь парткома «Агротехники» Алексей Константинович Александров, светловолосый богатырь, похожий на положительного тракториста из цветного кинофильма, как выяснилось, и впрямь тракторист в прошлом.— В частности, нам принадлежит идея построить в центре будущего поселка двенадцатиэтажный Дом молодежи гостиничного типа. Мы ведь рассчитываем широко привлекать в свой совхоз молодежь: вчерашних школьников, выпускников сельских производственно-технических училищ. Без этого нам нельзя развиваться!

Наведываемся в уже заселенные квартиры.

Как и в «Ушаках», новые дома в основном населяют совхозные «производственники»: семья шофера Михаила Агеева, управляющего отделением Михаила Мустафина, тракториста Валентина Могилы, мелиоратора Николая Воробьева. Планировка «экспериментальных» квартир вызывает единодушное одобрение, и только старая бабушка у Агеевых вздыхает о чем-то своем:

— Им, молодым, конечно, хорошо. А про меня— что говорить. Было бы им хорошо. Им жить...

Валентин Могила и его юная супруга высказываются решительно:

— Рады, что живем здесь. Все нравится. И никуда не уедем: ни в другой совхоз, ни в город. В городе мы такую квартиру сколько бы ждали, прикиньте? А сюда мы в сентябре прошлого года приехали, два месяца пожили в деревянном доме — и получили ключи...

— Мое убеждение,— комментирует Александров,— что нечерноземная деревня должна быть в принципе именно такой и только такой: многоэтажной. Только так мы сможем на равных соревноваться с городом. Заметьте: мы еще только начинали строить новый поселок, а в совхозе практически прекратилась текучесть кадров. Наоборот: растем, к нам идут люди...

— Откуда же они к вам идут?

Вопрос поставлен не зря: за ним — наметившаяся драматическая ситуация. Далеко не все обитатели новых поселков переселенцы из «бесперспективных» «тающих» деревень (хотя в том же совхозе «Агротехника» из двенадцати населенных пунктов намечено со временем оставить четыре). Большинство — издалека. Откуда? Отовсюду. Семья Валентина Могилы, например, из Киргизии. А более всего едут из других областей того

же Нечерноземья, соседних и дальних. Воробьевы приехали из совхоза «Суворовский» Андроповского района Костромской области.

— Наших тут несколько семей,— говорит Антонина Воробьева, доярка.— Друг за дружкой потянулись. Понятное дело, там и с жильем хуже, и заработки не те, и условия труда...

Как отнестись к этому процессу, который тоже, видимо, будет неизбежно развиваться?

В одном из совхозов мне довелось быть свидетелем любопытного спора двух хозяйственников среднего звена, местного и «соседа».

— Это хорошо, что вы растете,— с нескрываемой завистью говорил один, пожилой, в брезентовом плаще,— да ведь растете как бы за чужой счет. Сманиваете людей из родных мест. У вас тут лучше становится, а у кого-то — хуже. Коровы стоят недоены, картошку убрать рук не хватает. И не потому, что там люди хуже работают или хуже думают, а потому, что вам государство раньше помогло, большие средства выделило. Понимаю, понимаю, что нельзя строить сразу везде, что распылить средства понемногу — значит ничего не сделать. А только, будь моя воля, придумал бы я какой-нибудь порядок, чтобы вас как-то ограничить, чтобы своими силами поднимались. Из города чудаков — пожалуйста, принимай, а из соседней области, которой потрудней приходится, чем вам,— извините, подумать надо...

— Сам ты чудак, папаша,— возражал другой, помоложе.— Люди к нам ведь не бездельничать приезжают. Ту же картошку растят, то же молоко добывают. И, между прочим, с большей пользой, с большей отдачей, чем на прежнем месте. По мне, где с человека толк больше, там ему и быть надлежит...

Так ничем этот спор и не кончился, так и остался открытым вопрос. Только еще яснее стало: современные, приближенные к городским условия жизни обладают огромной притягательной силой для сельского жителя.

Тут, пожалуй, уместно для полноты картины рассказать еще об одном строительном эксперименте, осуществленном в уже упоминавшемся совхозе «Любань». Наряду с пятиэтажными домами там построили недавно двадцать двухэтажных коттеджей с квартирами в двух уровнях. Авторы проекта — архитекторы Ленинградского зонального научно-исследовательского института экспериментального проектирования (ЛенЗНИИЭП), сооружены коттеджи из легких и удобных в условиях сельского строительства газобетонных панелей Автовского домостроительного комбината. Квартиры — на зависть любому: пять великолепных комнат, просторная кухня, подвал. Дороговато, правда, обошлись, но в совхозе подсчитали: если строительство будет не экспериментальным, оно значительно удешевится, стоимость квадратного метра жилья приблизится к показателям пятиэтажного дома. Сложность обнаружилась с неожиданной стороны: не оказалось в совхозе достаточного числа больших семей, которым стоило бы предоставлять столь просторные жилища. В проекте был заложен определенный социальный «прицел»: стимулировать сохранение «расширенной» крестьянской семьи, где женатые сыновья живут под одной крышей с родителями, где молодое поколение естественно перенимает житейский, нравственный и трудовой опыт старших. Нельзя сказать, что эти надежды полностью не оправдались. Мне довелось побывать в гостях у большой и дружной семьи механизаторов Будединых, которая могла бы служить идеальной иллюстрацией к исходному тезису. Но в це-

лом возобладала все-таки современная тенденция к обособлению молодых семей, и в некоторые коттеджи пришлось вселить по две семьи, что, конечно же, сводит на нет самую идею...

Кстати, обращает на себя внимание определенный разрыв между работой проектировщиков и ученых — социологов и экономистов.

— Вопросами архитектурного облика перспективных поселков мы не занимаемся,— говорят социологи.

— Руководствуемся собственными наблюдениями, здравым смыслом, пожеланиями заказчиков,— говорят проектировщики.

Между тем объединение усилий было бы явно на пользу делу — и при подготовке строительного эксперимента, и при оценке его результатов.

Но так или иначе то, что еще несколько лет назад казалось дискуссионным, сегодня становится все более бесспорным: жизнь во всяком случае принимает, а не «отталкивает» деревню многоэтажную, деревню каменную и бетонную, деревню-город. Не «ухудшенный», а по возможности улучшенный. Современная строительная техника делает это возможным. Конечно, не везде сразу. Конечно, не всюду под одну гребенку. Тут еще непочатый край работы: изучение местных условий, соответствующая ориентация строительной индустрии. И, конечно, глубокое теоретическое осмысление происходящих в деревне экономических и социальных процессов. Далеко не всегда еще наука наша оказывается готовой дать ответ на вопросы, выдвигаемые жизнью!

У ревнителя парного молочка от собственной буренки и свежего лучка прямо с грядки есть аргументы посильней, чем чистая лирика. Большой знаток сельского хозяйства писатель Леонид Иванов в своей недав-

ней книге «Глубокая борозда» приводит данные по одному из сибирских совхозов. Личные подсобные хозяйства в «Березовском» произвели за прошлый год 45 тысяч центнеров молока, 9 тысяч центнеров мяса и свыше 10 миллионов штук яиц. Иначе говоря, к тому, что совхоз получил от своих ферм, как бы добавлено еще 60 процентов молока и мяса. Автор сообщает и данные по республике в целом: личные подсобные хозяйства производят 36 процентов мяса и столько же молока. «Мы пока еще не готовы отказаться от такого резерва»,— заключает он. А вот данные по Псковской области, которые мне сообщили в обкоме партии. 1973 год: произведено мяса 129 тысяч тонн, в том числе колхозные, совхозные фермы и госхозы — 78 тысяч. Остальное — более одной трети — личные хозяйства. Молоко: общее производство — 724 тысячи тонн, колхозы и совхозы — 436.

— Но есть, между прочим, и другие цифры,— сказали мне в обкоме.— Количество коров в личном владении неуклонно сокращается. Еще пять лет назад было порядка 127 тысяч, теперь — 103—105 тысяч. И здесь ни при чем урбанизация деревни, мы не Ленинградская область, у нас этот процесс только-только начинается, построены первые пятиэтажные дома в пригородных совхозах. Тут иные причины, более простые и более сложные одновременно: смена поколений, рост образовательного уровня, рост заработков, а значит, и требований к жизни...

Партийный работник, которому я дал почитать «Глубокую борозду» Леонида Иванова, вернул мне ее на следующий день со словами:

— Дельная книга. Прочел за один раз, не отрываясь. Только в одном не могу согласиться с главным героем очерков — Павловым: там, где он развивает свои мысли о подсобном хозяйстве... Вот оно, это место: «Сейчас-то

все личное поголовье держится как бы между делом... Выходит, эти силы и средства сэкономлены для государства: затрат никаких, а производство молока и мяса идет!» Хорошенькое дело — затрат никаких! А заготовка кормов, а уход за скотиной — это что, не труд, не затраты? А усталость человеческая — это не затраты? Не знаю, делал ли кто-нибудь из социологов сравнительный хронометраж обычного дня молодой колхозницы и ее городской сверстницы. Лично мне и без хронометража ясно, каковы были бы результаты такого сравнения. А ведь не только мы с вами сравниваем. И из своих сравнений люди не могут не делать практические выводы.

— Да,— продолжал собеседник,— сегодня мы и впрямь не готовы отказаться от того, что герой «Глубокой борозды» деликатно называет «резервом» и «подспорьем». Было бы ошибкой искусственно форсировать события, как мы пытались однажды делать в недавние годы. У нас в области произошел тогда поучительный случай. Руководители одного из хозяйств, решившие быть впереди всех, поспешили скупить у колхозников весь личный скот. Сразу столкнулись с трудностями: шутка ли сказать, единовременно такое пополнение колхозным фермам! Прошло время, стали тем же колхозникам кланяться: выкупайте своих буренок обратно. А те ни в какую: иной жизни отведали. Так что тенденция не вызывает у нас сомнений, и путь, очевидно, один: развивать общественное хозяйство так, чтобы оно в перспективе перекрыло и то, что мы сейчас «добираем» от хозяйства личного. Для того и улучшаем земли, для того и проектируем животноводческие комплексы на промышленной основе. И одновременно — а может быть, даже с опережением — надо строить жилье, улучшать бытовые

условия в селе. Речь идет ведь не о том, чтобы в ближайшие два-три года переселить всех сельских жителей в городские квартиры — в пятиэтажные ли дома, в двухэтажные ли коттеджи. Это процесс десятилетий. Но его направление ясно уже сегодня. Надо думать о быте, иначе мы молодежь в селе не удержим...

Мне оставалось только согласно кивать головой.

С одним только не хотелось согласиться: с привычными уже словами «удержать», «удерживать». Есть в такой постановке вопроса что-то очень обидное и для самих «удерживаемых», и для городов, которые представляются в итоге какими-то Вавилонами, средоточиями соблазна и чуть ли не порока. Ведь и в город едут люди не бездельничать. Чаще всего они пополняют ряды рабочего класса, который мы сами называем «солью земли». Так что не об «удерживании» надо, наверное, вести речь, а об установлении некоего, что ли, демографического равновесия между городом и деревней.

Я вспомнил об этом на другом конце необъятного Нечерноземья, в кабинете председателя колхоза «Искра» Котельничского района Кировской области Героя Социалистического Труда Андрея Мироновича Ронжина. Прелюбопытное это хозяйство и, прямо скажем, не очень пока типичное для бывшей вятской земли. В то время как для области в целом проблема рабочих рук в сельском хозяйстве очень остра, в парткоме «Искры» лежит свыше двух тысяч писем со всех концов страны (включая Украину!) с просьбой принять на работу в колхоз.

— Конечно, мы далеко не всех принимаем,— сказал Ронжин.— И уж совсем никого не удерживаем. За последние годы население на территории нашего колхоза сократилось вдвое, но катастрофы в этом я не вижу.

Ведь производство основных продуктов за то же время, напротив, увеличилось вдвое! Думаю, что так будет и впредь. Но, как бы то ни было, мы всегда будем иметь столько работников, сколько нам нужно. Почему? Думаете, потому, что заработки у нас высокие? Ничего подобного, зарабатывают нынче везде неплохо. А в том главное, что мы о быте заботимся, строим наш центральный поселок так, чтобы в нем был весь комплекс городских удобств. Это сейчас для молодежи главное...

Вспомним: когда-то нам казалось, что основная причина оттока молодежи из деревни — в низких заработках, в нехватке материальных благ. Заработки поднялись, но отток продолжался.

Потом явилось мнение, что все дело в благах духовных, в домах культуры и телевизорах.

Наконец, последняя по времени и очень основательная гипотеза: главное — содержание самого труда, степень его соответствия возросшему образовательному и культурному уровню молодежи. Не случайно одно из главных направлений работы в сегодняшнем Нечерноземье — строительство крупных механизированных животноводческих комплексов, коренным образом меняющих представление о многих «традиционных» сельских профессиях.

Но и этого будет недостаточно, если оператор, повелевающий в служебное время умной и сложной техникой, не будет иметь возможности вернуться после работы в современную, комфортабельную, благоустроенную квартиру, не будет иметь хотя бы такой перспективы в обозримом будущем.

Улучшение бытовых условий, строительство жилых поселков колхозов и совхозов Нечерноземья должно идти параллельно техническому перевооружению хозяйств.

А скорее всего — даже опережающими темпами. Опережающими! Что говорить, мы привыкли отдавать приоритет производственным объектам: в свое время к этому вынуждала жизнь. Теперь времена иные, иначе стоят проблемы.

— Спасибо, дали хорошую квартиру,— сказала мне одна из доярок.— Теперь я и на старой ферме поработаю, пока тот комплекс построят! А то уж совсем думали снова менять местожительство...

Мне кажется, об этом следует помнить, раздумывая о том, как лучше распорядиться щедрыми государственными ассигнованиями на ближайшие нужды Нечерноземья.

...А старинным деревням Федосино и Гутчево, Горка и Старостино, Тухань и Коколаврик, Александрово и Белово, многим-многим другим, завершающим ныне свой многотрудный и многославный жизненный путь,— людская благодарность и низкий, земной поклон!

2. Порядок слагаемых

«Порядок слагаемых» — эта метафора как-то самопроизвольно возникла еще во время работы над предыдущим очерком. «От перемены порядка слагаемых сумма не меняется» — это из элементарной арифметики. Но простой закон оказывается зачастую неприменимым к сложным экономическим и социальным явлениям. Тут как раз многое зависит от того, какое из необходимых слагаемых успеха поставить первым, какое — вслед за ним.

Жизнь постоянно возвращала к этой мысли во время поездки по градам и весям Псковской области, по ее

районам: Псковскому, Пушкиногорскому, Печорскому, Гдовскому.

Земля везде удивительна, везде прекрасна. И все же нельзя не воскликнуть еще раз, хотя бы мысленно, поднявшись на стену древнего Изборска, на полпути из Пскова в Печоры: «Удивительна и прекрасна земля Псковская!» Мягко всхолмленные желто-зеленые дали. Пашни, где уже высеяны озимые, здесь и впрямь не черны, а светло-коричневы, даже красноваты чуть-чуть: нечерноземье! И коричневы лужи после недавнего (будь он неладен об эту пору) дождика. И коричнева уже подсохшая грязь на колесах вездесущего «газика» и на колесе крестьянской телеги...

Белеет звонница на холме. У нее трогательно неправильные очертания, будто она, как и церковка рядом, не сложена из кирпича, а вылеплена из глины детской рукой и бережно положена на зеленую траву. А совсем близко — Труворово городище, где, по преданию, княжил легендарный брат Рюрика. Правда, новейшие исследователи склоняются к тому, что ни Трувора, ни третьего брата — Синеуса — на самом деле не было, просто в свое время была неверно прочитана летописная строка. Нельзя здесь не «оступиться» в прошлое, словно в археологический раскоп. Как не «оступиться», если, скажем, колхоз имени Александра Невского в Гдовском районе носит свое имя не просто так, а потому, что именно здесь, у выхода из Псковского озера в Чудское, разбил князь-полководец закованных в железо рыцарей. А другие названия на карте знакомы по сводкам Совинформбюро, и вспоминаешь, что где-то здесь лежал прославленный Партизанский край, откуда в блокадный Ленинград пришел красный обоз с хлебом, выращенным в тылу у врага.

Идешь деревней и видишь сараи, амбары, хлева, сложенные из такого же известкового плитняка, из которого строены стены Псковского кремля, и даже свод над входом сооружен по той же извечной, из поколения в поколение передаваемой технологии. Связь времен!

Я помню Псков и Псковщину начала пятидесятых годов и даже не сравниваю нынешнее с тогдашним: естественно, что почти четверть века мирной созидательной жизни были благотворны и благодатны для края. Радуют новенькие белые крыши когда-то бедствовавшей деревни Бугрово на пути из Пушкинских гор в Михайловское, ладные домики сел и деревень Островского района. С удовольствием заношу в блокнот деталь, сообщенную секретарем Гдовского райкома КПСС А. Г. Шаховским: в одном из хозяйств района создано общество автолюбителей — столько стало владельцев личных автомашин!

Правда, мы тут же констатировали, что автолюбители хватят, пожалуй, немало горя на гдовских дорогах, если задумают совершать поездки в районную «глубинку». Бездорожье — одна из главных бед псковской земли, особенно — в этом ее углу. Другая беда — крайняя изрезанность, раздробленность сельскохозяйственных угодий, «мелкоконтурность», как говорят землеустроители. В области около миллиона гектаров пашни, а средний (не минимальный, а средний) размер поля на Псковщине — два гектара. Современной технике негде развернуться, работает она вполсилы. В значительной мере это — все еще эхо войны: за время войны и послевоенных трудностей, когда не до всего доходили руки, одичали, заросли кустарником и мелколесьем многие поля,

которые старожилы помнят культурными и плодородными. Кстати, о плодородии: пусть ни у кого определение «нечерноземная» (зона, область) не ассоциируется с понятием «второсортная». Здешняя земля, если к ней приложены заботливые руки, способна щедро отдарить человека: есть хозяйства, получающие по тридцать и более центнеров озимой ржи с гектара, урожай картофеля в звене Героя Социалистического Труда Ивана Угаркина составил в 1973 году 344 центнера с гектара, и это тоже не предел.

Но заботливых человеческих рук зачастую и не хватает псковской земле. По крайней мере — при нынешнем уровне организации и технической оснащенности сельскохозяйственного производства. Демографический баланс уже многие годы складывается явно не в пользу псковской деревни: молодежь уходит не только в промышленные центры, ближние и дальние, но и в соседнюю Ленинградскую область.

Вроде бы знакомая проблема. Чуть ли не общее место. Но, как и всякое общее место, оно нуждается в существенном уточнении. Сегодня районных и хозяйственных руководителей волнуют не столько чисто количественные показатели, сколько качественные: людей в деревне совсем не так уж мало, процент сельского населения в той же самой Псковской области все еще достаточно высок по сравнению с многими развитыми и успешно питающими себя странами. Беда в том, что уходят — не всегда, но очень часто — лучшие силы. Лучшие выпускники школы. Самые способные. Самые инициативные. Те, кто жаждет сколько-нибудь ярко проявить себя в жизни.

Еще одно «идущее к делу» наблюдение: существует, оказывается, и встречный поток. Далеко не равный по

мощности, но все же заметный. Едут из городов — даже из Ленинграда, даже в «трудный» Гдовский район! — пожилые, но еще полные сил люди, пенсионеры. Всеми правдами и неправдами приобретают себе дома в здешних местах. Даже устраиваются для этого на работу в хозяйствах и работают, в меру своих возможностей, неплохо. А места здесь во многих отношениях благодатные. Дивной, былинной красоты. И рыбой Чудское озеро богато, и грибами-ягодами не оскудели окрестные леса. Можно жить и радоваться жизни на этой земле. И, как видно, не превратности снабжения играют решающую роль в том, что старшеклассник еще за школьной партой намечает себе дальнюю дорожку из родных мест. Чего-то недостает здесь именно ему для устроения его молодой жизни. Как в производственном плане, так и в бытовом, житейском.

С проблемой кадров сталкиваются здесь постоянно и ежедневно в самых различных ее аспектах.

Вот, энергично распахнув дверь, мужчина в сапогах и выцветшем полувоенном кителе появляется в райкомовском вестибюле:

— Горожан привез, на уборку. С электромеханического. Согласно разнарядке. К кому здесь обратиться?

На улице слышно пофыркивание грузовика.

Часа два спустя мы неожиданно встретились еще раз в конторе одного из совхозов. Приезжий разговаривал с директором и главным агрономом.

— Люди нужны, слов нет,— задумчиво говорил директор,— пора горячая, да вот куда я вас помещу сейчас? В школу нельзя, уже сентябрь, занятия идут. В складе — тоже нехорошо. Летом еще так-сяк, а нынче по ночам прохладно уже. Видно, придется по частным квартирам, как думаешь, Иваныч?

— На пятой ферме, пожалуй, разместить сможем,— откликнулся агроном.— Тридцать километров отсюда. Сейчас дам провожатого — и езжайте. А сам вдогонку позвоню управляющему, чтобы готовился встретить вас.

— На пятую так на пятую,— встал горожанин.— Только поскорее бы, люди устали. Шутка ли сказать, полтораста километров по нашим-то дорогам. И все в машине, в кузове. Поехали!

Десятки, сотни таких сцен разыгрывается ежегодно в начале осени. Может быть, в особенности — в хозяйствах нечерноземной зоны. И не только на Псковщине, разумеется.

Вот выписка из одного только сентябрьского номера ленинградской областной комсомольской газеты:

«Комсомольский десант на полях. Гатчина: Вчера на полях района работало 5590 ленинградцев. Это рабочие промышленных предприятий, студенты, учащиеся техникумов и ПТУ... Всеволожск: Свыше семи тысяч человек участвовало вчера в субботнике. В совхозах «Красный Октябрь», «Выборгский», «Пригородный» работали студенты радиополитехникума, Лесотехнической академии имени С. М. Кирова, Политехнического института имени М. И. Калинина... Тосно: Более 8400 человек работало вчера на субботнике в хозяйствах района... Волосово: Студенты Финансово-экономического института имени Н. А. Вознесенского, работающие в совхозе имени Ленина, вызвали на соревнование студентов Инженерно-строительного института имени Тольятти, работающих в совхозе «Гомонтово». До 20 сентября решили управиться с уборкой студенты Института авиационного приборостроения...»

В поездках по Ленинградской и Псковской областям

у меня было немало встреч с горожанами. Разные были встречи. Были хмурые люди, недовольные — часто справедливо — условиями жизни, организацией питания, заработком, а главное, самой работой, плохо организованной и малопроизводительной. Были загорелые, улыбающиеся здоровяки, не слишком утруждавшие себя и рассматривавшие «месяц в деревне» как дополнительный отпуск. Были деловитые парни, мастера на все руки, на которых нахвалиться не могло совхозное начальство. И были такие помощники, от которых то же начальство чуть ли не стонало: «Скорей бы их обратно забирали в город! Небось посылают к нам сюда кого похуже, от кого и там толку никакого! А ведь, что говорить, понять можно: там ведь тоже план, тоже люди нужны! И мы бы, случись такое, так же точно поступали бы!»

В профкоме Псковского машиностроительного производственно-технического объединения — одного из крупнейших предприятий областного центра — мне показали десятки благодарностей, «заработанных» в последние годы в хозяйствах Дедовичского района. Вот и в этом году в шестнадцати колхозах и совхозах этого района работало несколько сот человек, по месяцу и больше. Работали на уборке зерновых, картофеля, льна, на токах. На совесть работали: достаточно сказать, что токарь Владимир Пожаров за свои успехи на сельскохозяйственном поприще награжден орденом «Знак Почета». В прошлом году токарь Петров выступил с инициативой: «Усилить помощь селу!» На его призыв откликнулось тридцать человек. Все они прошли подготовку и получили специальности механизаторов. Впрочем, для большинства из них это была переподготовка: многие рабочие в прошлом — сельчане, конечно, они-то и откликнулись на призыв в первую очередь. В 1974 году заводские трактористы

уже с весны помогали сельчанам на пахоте и севе. А трое из них — так, считай, все лето на полях и провели.

— У нас в село охотно едут, особенно молодежь,— говорили мне.— А чего не ехать? Сохраняется пятьдесят процентов зарплаты, плюс то, что там заработаешь...

— Все это хорошо,— говорю я и задаю вертящийся на языке вопрос,— а как сказываются такие отлучки на делах самого машиностроительного объединения?

На лица собеседников впервые набегает легкая тень:

— Конечно, что и говорить, не лучшим образом. Ведь в пору уборки, считайте, что целого цеха на заводе нет. Разумеется, рабочего пятого разряда, на котором полцеха держится, мы в село не пошлем. Стараемся больше посылать из неведущих специальностей, из отделов заводоуправления. Ведь план-то нам никто не снижает, приходится работать с перенапряжением...

— А как на будущее? Что на следующий год предполагаете? Куда и кому помогать поедут ваши люди? И поедут ли вообще?

— Тут мы ничего заранее не знаем. По опыту прошлых лет — конечно, поедут. Ни одного года не было, чтобы не ездили. Наверное, в тот же Дедовичский район. А может быть, и нет. Придет время — увидим...

В гостинице нахожу в своих блокнотах выписки из трех небольших брошюр, изученных еще в Ленинграде. Группа ленинградских ученых исследовала — может быть, впервые за многие десятилетия — экономическую эффективность сельскохозяйственного труда «привлеченных» горожан. Выводы их не слишком вдохновляющи: производительность труда городских «помощников» зачастую весьма невелика. Особенно в тех случаях, когда помощники подбираются по принципу «от консерватории — три человека, от Театра музыкальной комедии —

четыре». Несколько лучшие (а иногда и просто неплохие) показатели бывают тогда, когда в село выезжают большие и организованные коллективы, причем предпочтительно — из года в год в одни и те же хозяйства. И все-таки ученые сделали вывод: участие горожан в сельскохозяйственных работах — мера вынужденная, временная, нужно сделать все, чтобы отказаться от такой практики в возможно более близком будущем.

С этим как будто нельзя не согласиться.

И все же, с другой стороны, возникает робкая мысль: а вдруг сама жизнь в течение вот уже нескольких десятилетий «намекает» нам на какие-то новые возможности организации хозяйства в будущем?

Нахожу в одном из своих блокнотов выписку, сделанную несколько месяцев назад:

«Сколько мотовства, вообще говоря, в нашей теперешней неподвижной системе! Если бы фермер мог освободиться с фабрики на время посева, посадки и жатвы (которые в конце концов занимают только часть года), насколько было бы нам лучше от этого и насколько беспрепятственней вертелся бы мир!.. Что было бы, если бы мы все отправлялись весной и летом в деревню, чтобы вести 3—4 месяца здоровую жизнь земледельца! Одной из самых больших выгод, достигнутых нами при этом, было бы гармоническое мировоззрение. Слияние различных ремесел является не только материально выгодным, но и одновременно приводит нас к более широким горизонтам и более верному суждению о наших ближних...»

Слова эти взяты из книги американского автопромышленника Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения», выдержавшей у нас в двадцатых годах несколько изданий. Само собой разумеется: иное общество, иное время.

Да и не такой уж непререкаемый для нас авторитет — мистер Форд! Однако не мешает помнить, что хозяйственником он был весьма трезвым и рационалистичным. Что же касается времени (приведенным словам — полвека), то разве не имеем мы перед глазами множество примеров, когда мир на новой основе, на новом витке спирали развития возвращается к «старым» идеям? Давно ушла в прошлое эпоха паровых дилижансов, становится почти музейной редкостью паровоз — но уже оживленно обсуждаются на страницах научно-популярных и технических журналов преимущества «паромобиля» с котлом высокого давления: он и воздух не так загрязняет, как машины с двигателем внутреннего сгорания, и в обращении удобнее! Может быть, на нынешней стадии научно-технической революции мысль, еще задолго до Форда высказывавшаяся утопистами, становится чем-то более реальным?

Ведь куда ни кинь, работа в сельском хозяйстве — сезонная, потребность в рабочих руках неравномерна в течение года. Руководители передовых хозяйств, не страдающих от нехватки рабочих рук, вынуждены заводить специальные производства, чтобы занять людей зимой: женщины вяжут на продажу сетки-авоськи, шьют рабочую одежду.

И, между прочим, ошибочно думать, что участие горожан в сельскохозяйственных работах — феномен, присущий только нашему обществу. Такое участие (разумеется, в совершенно иных, специфических формах) практикуется во всем мире, прежде всего в наиболее развитых странах, и воспринимается там как нечто само собой разумеющееся. Вспомним страницы книг, кадры кинофильмов: парень — студент философского факультета, мастерски управляющийся со скотом на отцовской

ферме во время летних каникул; полицейский или чиновник из маленького городка, в свободное от службы время убирающий жаткой пшеницу на собственном поле,— фигуры достаточно типические!

Что же касается низкой, как правило, производительности сельскохозяйственного труда наших горожан, так не оттого ли она проистекает, что носит их участие всякий раз какой-то кампанейский, авральный, «партизанский» характер? Всякий раз посылка горожан в село осуществляется словно впервые, в производственных планах предприятий эта миграция рабочей силы практически никак не учитывается; когда, куда и сколько придется посылать людей — руководители заводов и фабрик не знают наперед или знают весьма приблизительно. Всякий раз и в районах заново решается вопрос: куда направлять, где размещать?

А что если внести в эту многолетнюю практику более четкую систему, продумав ее экономически и организационно? Не берусь предсказать, какие именно формы «симбиоза» промышленных предприятий с сельскохозяйственными производственными единицами здесь нужны, но что-то, мне кажется, брезжит. Уже приходилось мне видеть в некоторых передовых хозяйствах легкие летние жилища, удобные и светлые, типа профилакториев, построенные специально для горожан. Уже складываются многолетние, прочные связи.

Тем не менее все сказанное — пока лишь гипотетические рассуждения, от которых пора вернуться к текущим, практическим заботам дня.

Сегодня ясно одно: без преобразования сельскохозяйственного производства на промышленной основе нынешних проблем деревни не решить.

Это понимают все, и недаром слово «комплекс» (мо-

лочный, свиноводческий, откормочный) стало сегодня одним из самых «ходовых».

— Наш район действительно трудный,— говорил мне в Гдове секретарь райкома партии А. Г. Шаховский.— Проблем много. На комплексы возлагаем большие надежды. Комплексы — это повышенная концентрация производства, значит — более высокий уровень механизации, производительности труда. Это — создание культурных пастбищ. Это, наконец, возможность создания лучших условий жизни в укрупненных поселках. Мы ездили в Белоруссию, смотрели, как действуют животноводческие комплексы там. Понравилось!

Что такое комплекс?

Попросту говоря — очень крупная, высокомеханизированная ферма с набором необходимых угодий и вспомогательных сооружений.

Не вдаваясь в технологические детали, отметим прежде всего, что комплекс — штука дорогостоящая. Стоимость одного места для коровы в молочном комплексе, как сообщили мне псковские проектировщики, составляет 2400 — 2500 рублей. Это — по проекту. На практике при сооружении сравнительно небольшого комплекса на Георгиевской ферме совхоза «Ушаки» Ленинградской области получилось что-то около трех с половиной тысяч рублей. Это сравнимо, если не ошибаюсь, со стоимостью двухкомнатной квартиры в жилищном кооперативе.

А в «нормальном» молочном комплексе — от восьмисот до тысячи двухсот голов.

А в одной только Псковской области намечено в перспективе возвести порядка девяноста различных комплексов.

Вот и оцените меру государственной щедрости.

А заодно — и меру озабоченности всех, кто думает о том, чтобы эти огромные средства сработали должным образом, чтобы не вылетела значительная часть их дымов в трубу, чтобы оправдались большие ожидания...

Мне встретилось немало таких людей — думающих, подсчитывающих, озабоченных — в поездке по совхозам и колхозам псковской земли. К слову сказать, рабочие «штабы» хозяйств, даже самых лучших и передовых, выглядят здесь, как правило, скромнее, чем в привычной мне Сибири. Однако внутри неказистого строения вполне может оказаться современная дорогая мебель.

В кабинете Григория Ивановича Гецентова, директора совхоза «Победа», неподалеку от областного центра, сразу бросился в глаза большой разграфленный лист ватмана, напоминающий увеличенную во много раз страницу школьного журнала успеваемости. «Экран оценок трудовой деятельности, поведения на производстве и в быту административно-управленческого аппарата совхоза за 1974 год» — назывался этот документ. Оценки в экран выставляются ежемесячно, по пятибалльной системе. Вернее — шестибалльной, ибо фигурирует и ноль. Редко, но встречается.

Уместна ли, эффективна ли подобная школьная (или даже гимназическая, если вспомнить о ноле) система в большом современном хозяйстве?

— Наверное, где как,— ответил хозяин кабинета.— В коллективе с прочными, сложившимися традициями, с крепким и уважаемым ядром, безусловно, эффективна. У нас — именно такой коллектив. Думаете, один такой экран в совхозе? Они есть в каждой бригаде. До десятого числа каждого месяца везде проходят собрания, на которых зачитываются протоколы оценочных комиссий.

И действует, еще как действует! Еще бы: у нас бывали случаи, когда отдельные механизаторы недобирали из-за баллов по полтораста-двести рублей. Бывали, говорю, такие случаи. Сейчас почти не бывает.

Неспроста упомянул я об «экране». Частность, конечно, но весьма характерная для того, что можно увидеть в «Победе». Какой бы стороной жизни хозяйства ни заинтересовался, здесь всегда присутствует живая, нешаблонная мысль. Должно быть, поэтому и рекомендовали мне в обкоме познакомиться с Григорием Ивановичем:

— Интересный человек, опытный, мыслящий руководитель...

Что верно, то верно: опытный. Впервые возглавил хозяйство — стал председателем небольшого, по нынешним понятиям, колхоза тут же, на Псковщине,— еще в тридцатые годы, семнадцатилетним комсомольцем. Много повидал на веку, в том числе и всяческих новшеств: и таких, что прочно вошли в жизнь, и таких, которые и сейчас поминают недобрым словом, и таких, что вовсе забыты:

— Помните, к примеру, такую штуку — грязевой сев? Не помните, не читали? А я помню. Шли женщины по колено в весенней грязи и разбрасывали в эту грязь семена. Лен, в частности, так сеяли. Иногда что-то даже вырастало. Если лето выдавалось сухое...

Только что мы ездили по полям, осматривали участки, на которых ведутся мелиоративные работы. Пищала рация в директорском «газике», врывались голоса управляющих и бригадиров, хриплые, озабоченные. Григорий Иванович с ходу «подключался», отдавал короткие распоряжения и вновь возвращался к нашей беседе:

— В сельском хозяйстве не может быть панацей. Слов

нет, мелиорация для нас — большое дело. Судите сами: две с половиной тысячи гектаров пашни в совхозе, и разбиты они на четыреста контуров, на четыреста кусочков. Есть совсем маленькие, а тоже ведь не забросишь их, в наших местах землей не бросаются. Значит, надо объединять мелкие участки, осушать, окультуривать землю. Это ясно. Но ведь и с другой стороны посмотреть надо: возлагать все надежды только на нее тоже было бы ошибкой. Надо сперва спросить себя: а все ли мы берем с тех земель, что имеем? Поймите меня правильно: государством отпущены большие средства, есть опасение, что кое у кого это породит иждивенческие настроения...

Нынешнее хозяйство Григория Ивановича и не сравнить, конечно, с тем маломощным колхозом, с которого он начинал когда-то. На многие километры вдоль обрывистого берега Великой протянулись совхозные угодья, сенокосы дальних бригад выходят аж к самому Псковскому озеру. Двадцать семь населенных пунктов, в числе их — практически единственный пока в области многоэтажный поселок из домов городского типа. Вдоль стены директорского кабинета — банки овощных консервов: продукция собственного консервного цеха. «Победа» — шестикратный участник Всесоюзной выставки...

И вот именно этот совхоз, его директор, много лет известный как сторонник всего передового и прогрессивного, пока отказывается от строительства в совхозе молочного комплекса!

Отказывается в то самое время, когда многие его соседи не только согласились, но и возлагают на «комплексы» великие надежды. Почему? Потому, быть может, что «Победе» и так хорошо живется, а от добра добра, как известно, не ищут? Нет, не тот человек он, Григорий Иванович Гецентов...

Он не спешит пока посвящать меня в свои мотивы. Коли уж зашел такой разговор — как обойти другие проблемы, волнующие сегодня директора, и не его одного, конечно? Ведь все эти проблемы связаны между собой! К примеру, те же запасные части...

Ох уж эти запасные части к тракторам и автомобилям! Ни одна беседа с хозяйственником за последние двадцать лет (это на моей памяти только!) не обходится без них, а ведь, кажется, как логично то, что говорит сейчас Григорий Иванович: пусть будет даже меньше машин, он мог бы, пожалуй, обойтись в своем совхозе вдвое меньшим количеством, лишь бы каждая машина отрабатывала полностью положенный ей срок, не становилась бы на прикол раньше времени, не замирала безжизненно через два дня на третий от того, что какую-то пустяковую деталь нельзя заменить, невозможно достать ни за какие деньги, и приходится заниматься кустарным, некачественным ремонтом!

Помимо сугубо материального ущерба, существует здесь и трудно учитываемый ущерб — моральный. Зрелище простаивающих, полуразобранных машин становится привычным сельскому жителю чуть ли не с колыбели. И не в пример трудней становится при этом воспитывать у подростка уважение к технике, к человеческому труду, в ней воплощенному!

Я слушал директора совхоза и вспоминал многократные беседы с директором Института экономики и организации промышленного производства в новосибирском Академгородке академиком А. Г. Аганбегяном. Одна из идей, которые ученый особенно настойчиво пропагандировал в последнее время, с особенной последовательностью «внедрял» в сознание журналистов и литераторов,— планирование по конечному продукту.

Многие наши беды проистекают как раз оттого, что мы не всегда умеем верно определить: что является в каждом конкретном случае конечным продуктом? Выпускаются у нас, к примеру, автобусы. Что является конечной целью этого производства? Как можно больше автобусов? Отнюдь нет. Конечный показатель — количество перевезенных пассажиров, отсутствие «хвостов» на остановках, опозданий на работу из-за транспортных неурядиц. Но мы еще зачастую по-прежнему исходим из того, что конечным продуктом, целью и венцом всех усилий является автобус как таковой, количество машин как таковое. А то, что в результате до половины автобусного парка во многих городах простаивает — от нехватки тех же запасных частей, от плохих дорог, сокращающих сроки службы машин, оттого, что для Крыма и для Заполярья выпускаются одни и те же марки,— это в расчет практически не принимается, это как бы «по ту сторону цели», это забота уже других служб, а не тех, кто автобусы делает.

Да простится мне, если этот условный пример несколько упрощает и огрубляет достаточно сложную проблему. Тут не детали важны, а суть. А суть эта сейчас многим ясна и многими усвоена. И многих волнует. В том числе и в связи с Нечерноземьем, с его дальнейшими судьбами. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР говорится об огромном количестве тракторов и комбайнов, автомашин, выделяемых для колхозов и совхозов нечерноземной зоны. Нет никаких сомнений, что это будет выполнено. Но по-хозяйски думающих людей волнует и другое: как эти машины будут работать, какая часть их рабочего потенциала будет реализована?

Они прекрасно осведомлены, что, к примеру, ком-

байн СК-4 стоит значительно дороже, чем электробритва «Харьков». И не может не беспокоить их то обстоятельство, что в условиях нечерноземного Северо-Запада — с его специфическим климатом и рельефом, с мелкими «контурами» и длинносоломистыми хлебами — эти могучие степные корабли дают производительность в несколько раз меньшую, чем на кубанских или сибирских массивах. Используется половина, четверть возможностей прекрасной машины! То же, хотя и в чуть меньшей степени, относится и к новейшей «Ниве». А ведь разрабатывался когда-то, еще в предвоенные годы, проект специального «северного» комбайна.

Ивана Александровича Иванова, кандидата сельскохозяйственных наук, главного агронома совхоза «Гдовский», в ту пору и на свете не было, он родился в 1941 году. Но разыскал в литературе упоминание о проводившихся разработках, познакомился, сколько возможно, с ними и теперь спрашивает: окончательно ли отброшена эта идея? Или, в свете нынешней заботы о судьбах Нечерноземья, к ней следует вернуться — на новом, разумеется, уровне? И, может быть, мы все-таки увидим «северный» комбайн на полях — не в ближайшей пятилетке, так хотя бы в следующей? Думать-то уже сейчас надо!

Не об одних машинах можно вести речь в этом плане. Возьмем минеральные удобрения — необходимое условие интенсификации полеводства. В планах преображения Нечерноземья им отводится важная роль. Еще не началась новая пятилетка, а псковичи уже ощутили: удобрений стало поступать значительно больше. Это отмечают и директор Гецентов, и агроном Иванов, и секретарь райкома Шаховский. Честь и хвала оперативности работников промышленности! Но беспокойные люди

и тут оказываются чем-то недовольны. В каком виде поступают удобрения? Навалом, россыпью, в несмешанном виде. Называя вещи своими именами, можно сказать, что это — варварство, каменный век.

Не говоря уже о неизбежных потерях в пути, в условиях колхоза или совхоза никогда не удастся так приготовить смесь, как это можно сделать на заводе. В иных хозяйствах, где людей в обрез, вообще не дойдут руки до этой работы, и только увеличатся без того существующие монбланы из слежавшихся удобрений на колхозных и совхозных усадьбах.

И снова тот же вывод: пусть будет, может быть, чуть меньше количественно этих драгоценных удобрений, но пусть они поступают в мешках и пакетах, в готовых смесях! Григорий Иванович Гецентов мечтает о том, чтобы можно было, как лекарство в аптеке, заказать на заводе необходимую смесь по рецепту, составленному совхозным агрономом. А что, разве это невозможно?

Тенденция времени — перенесение в заводской цех многих операций из тех, которые традиционно осуществлялись в «полевых» условиях. Стали привычными домостроительные комбинаты. Мировыми экспортерами продуктов сельского хозяйства все чаще выступают не отсталые аграрные страны, а как раз державы экономически развитые, с мощным промышленным потенциалом. Урожай начинается в цехе!

И вот теперь — о комплексах.

— Точно, пока мы отказались,— говорит Г. И. Гецентов.— Подумали — и отказались. Причин несколько. Первое: под комплекс нужно землю готовить, не год и не два. Построить комплекс недолго при нынешней технике, особенно когда государство расщедрилось. А потом что? Восемьсот коров держать не пустяк, нужна кормо-

производящая база. А на «готовых», пахотных землях комплексы не ставят.

Второе: дороги нужны — продукцию вывозить. А они, получалось, куда-то на вторую очередь отодвинуты.

Третье: жилье. Как ни считай, сто двадцать — сто тридцать человек с комплексом так или иначе связаны. И жить им надо тут же, поблизости. И жилье должно строиться параллельно с комплексом. А он у нас был запроектирован без жилья.

Несомненно, потом все это появилось бы: жизнь заставила бы построить и дороги, и жилье, и земли достаточно подготовить. Но сколько бы до того времени мы хватили бы неприятностей, потерпели убытков! Ведь амортизационные отчисления с нас шли бы — со времени акта приемки готового комплекса.

Смотрю я на соседей наших, которые сразу «схватились» за комплекс, согласились на первый же им предложенный вариант, и думаю: не наплакались бы потом. Не везде, конечно: в ряде мест комплексы привязаны очень удачно. Ничего не скажешь, комплекс — вещь нужная. Но ведь и дорогая! Ставить его — так уж с таким расчетом, чтобы сразу, с первого дня получать отдачу. Кстати, себе мы комплекс в конце концов запроектировали, только не животноводческий — овощеводческий: в наших пригородных условиях он скорее всего оправдает себя.

Прав ли Григорий Иванович?

Во всяком случае его аргументы звучат убедительно. Тем более что не от него одного доводилось подобное слышать. Огромное дело задумано и осуществляется. Как важно не испортить его спешкой, желанием поскорее отрапортовать броской цифрой, попытками строить зда-

ние начиная с крыши! Как важно не перепутать пресловутый «порядок слагаемых»!

А такая опасность, кажется, существует. Вспоминаю беседу в Псковском филиале института «Севзапгипросельхозстрой», который уже в минувшем году выдал проектную документацию на три комплекса по восемьсот коров каждый, а в нынешнем году должен спроектировать еще девять.

Руководитель этого учреждения Александр Федорович Салкин показал мне любопытный документ — расписание поездок ответственной комиссии для выбора площадок под будущие комплексы. Расписание предельно жесткое: на каждую «точку» — день, в каждой «точке» — по одному разу.

— Что мы можем за один такой выезд? — посетовал проектировщик.— Разве что оценить площадку визуально, с чисто строительной точки зрения. На более глубокий анализ времени не хватает...

В тряском межрайонном автобусе на ухабистой дороге я просматривал свои блокноты, подводил итоги поездки.

— Сейчас еще ничего, благодать,— заметил мой сосед.— Сухо сейчас. А вы бы в распутицу поехать попробовали, в дождь! Едешь и мучаешься. И не столько себя, верите ли, жалко, сколько машины, что на этих дорогах гробятся. И тот хлеб, что в машинах. Если уж браться за наш край — с дорог начинать надо. Знаю, дорогое это дело. Знаю, не все сразу сделать можно. Знаю, большая программа дорожного строительства намечена по области на пятилетку. Большая-то большая, но выходит, кажется, что-то около двух километров в среднем на хозяйство. Да ведь кто сказал, что нужно обязательно между всеми хозяйствами поровну эти кило-

метры делить? Надо выборочно действовать. И не слабым помогать — сильным. Тем, кто хозяйствовать умеет, у кого каждый вложенный рубль наибольшую отдачу даст. И пусть едут в такие хозяйства люди, пусть селятся кучней — им лучше и государству удобнее!

Он помолчал и добавил, отвечая, наверное, каким-то своим мыслям:

— Вот ведь как у нас, в сельском хозяйстве: все в один узел завязано — и полеводство, и животноводство, и дороги, и жилье. И надо точно знать, за который конец потянуть, чтобы развязать этот узел. А схватишься не за тот — только туже затянешь...

Много было еще таких разговоров в поездке. И при всей озабоченности собеседников, при всей серьезности затрагиваемых проблем — осталось впечатление светлое и отрадное. Думают люди о судьбах родной земли, думают зрело и глубоко. В этом — еще одна из примет времени, переживаемого сейчас Нечерноземьем.

НА ПОЛЯХ СИБИРСКИХ

1. Доверительный разговор

Все «газики-козлики», кружащие по районным дорогам, зеленые, а этот, директорский — голубой, издалека приметный. И, видя, как мелькает он в просветах лесополосы, всякий безошибочно определяет: «дед» на поля поехал. Так заглазно зовут его — и в своем совхозе, и в районе, и даже в крае: «дед». Потому что нет среди руководителей хозяйств человека старше и опытней его. Ровесник века, еще на первую мировую подростком убегал — от хозяйских побоев и домашних строгостей, добрался из родного Ростова аж до самого Брест-Литовска.

В семидесятом году отмечал два юбилея: собственное семидесятилетие и полвека в партии. И в семьдесят третьем — тоже два; шестьдесят лет трудового стажа, начатого когда-то учеником слесаря в частных механических мастерских, и тридцатилетие бессменного пребывания в директорском кресле. Да, впрочем, уместно ли это выражение — «в директорском кресле» — по отношению к директору огромного зернового совхоза, чьи владения раскинулись на десятки километров из конца в конец! Тут в кресле не усидишь. А в сорок третьем, военном году, когда принимал, вернувшись контуженным с фронта, далеко не первое в жизни своей хозяйство, об уютном кресле и вообще речи быть не могло — так, табуретка о трех ногах. На весь совхоз, хоть и старый, еще в тридцатом году основанный — сто двадцать пять коров, из техники несколько ЧТЗ, урожайность — самая низкая, и, конечно, нехватка рабочих рук, мужики на фронте, всюду бабы одни — что в полеводстве, что в животноводстве...

Лихо развернувшись, голубой «газик» замирает возле тока одного из отделений совхоза. В этот час тут одни женщины, дочери, а то и внучки тех, что вынесли на плечах своих суровую военную пору. Обступают, шумят, допытываются:

— Когда газовые плиты снова завезут?

Разговор о газовых плитах я слышу уже не впервые: с полчаса назад на полевом стане (где сейчас не ночуют, а только обедают комбайнеры и трактористы) повариха тоже наступала на директора: давай завози, директор, газовую плиту!..

— Вот так-то,— говорит мне «дед» уже в машине,— слышали? А на днях заезжаю в другое отделение, спрашиваю женщин: что хмурые да невеселые? Так не завтракали сегодня, отвечают, баллоны с газом вовремя не подвезли! Я оторопел даже: да с каких пор, говорю, вы, крестьянки, плиту растапливать разучились или таганок, на худой конец? Давно ли газ в совхозе появился? А про себя думаю: это же естественно, что к хорошему люди быстро привыкают! И пусть привыкают. А что у нас, у руководителей, новые от этого заботы появляются, так уж ничего не поделаешь. Приходится держать и особого инженера, и газовщиков на отделениях, чтобы отвечали за это дело,— ведь шестьсот пятьдесят газовых плит в домах, и будет еще и еще больше...

А места здесь — отменнейшие. Красивые. Поля — до самого горизонта. Впрочем, и горизонт здесь — не один, а как бы несколько их. Первый горизонт — совсем близко, за ним исчезает наша дорога. За ним опять вздымается земля, но уже какая-то совсем иная, голубоватая, словно бы у неба призанявшая синевы. Это начинает холмиться степь на подступах к горам. И, наконец, совсем вдалеке скорее угадывается, чем видится, третий

горизонт: сами горы. Говорят, правда, что красота эта кое в чем оказывается к невыгоде, и заманчивый первый приз за лучшие результаты на уборке урожая опять, который уже год подряд, уплывет к комбайнерам западной зоны, где степь ровна, как стол. Давно поговаривают, что надо бы ввести в условия соревнования некий коэффициент, который компенсировал бы разницу местности, да как его рассчитаешь! Впрочем, и здешним комбайнерам особенно жаловаться грех: имеются поля и по пятьсот, и шестьсот гектаров, есть где развернуться! И щедрая земля, особенно когда к ней руки приложить по-умному. Давно ли, еще в шестидесятых годах, в обязательствах записывали: получить по пятнадцать центнеров зерновых с гектара. А теперь получают по двадцати одному и еще хмурятся: неплохо, конечно, однако похуже, чем в прошлом году...

Было дело — в один неурожайный год засобирался было «дед» на пенсию, решил, что впрямь стар стал и отвернулось от него хлеборобское счастье. Но пока собирался, настал новый год, новая весна, да с такими, потом оправдавшимися, видами на урожай, что «дед» о пенсии и думать забыл. И снова едут к нему за наукой да за секретами участники всяческих краевых семинаров, даром что остался он в крае чуть ли не последний директор с начальным — церковноприходским — образованием.

Вот он останавливает «газик» у кромки одного из полей, где свалена в валки твердая пшеница — усатая «харьковская»:

— Нет, рано еще обмолачивать. Это ведь семенная, ее на огневую сушку не пошлешь...

— Чувствую, сильно любите вы «харьковскую»?

— А как же! Хоть и с трудом мы ее освоили, зато

потом она никогда нас не подводила. И потом — твердая! Твердых пшениц вообще по стране мало, и платит нам за нее государство больше...

Спрямляя путь, едем через поля соседнего откормсовхоза.

— Тут,— вспоминает «дед»,— чуть ли не все руководство — нашего совхоза воспитанники. И сам директор, и главный инженер, и парторг...

Начинаем вспоминать, кто еще из прежних работников совхоза находится сейчас на руководящей хозяйственной работе. Одних директоров совхозов набирается семь человек. Это тех, кто сейчас директорствует. А сколько еще пошло на повышение, теперь и не сосчитаешь. Как-то звонил один по междугородней, что-то ему понадобилось в трудовой книжке уточнить. Оказалось, сейчас он директор большого завода, производящего некие важные и всегда дефицитные узлы для сельскохозяйственных машин. Вспомнили в разговоре прошлые годы совместной работы, растрогался директор завода: если, говорит, есть нужда в нашей продукции, говорите, сколько надо, я всегда выручу, хоть и далеконько от вас нахожусь...

— А ему ничего за это не будет? — со всей возможной наивностью в голосе спрашиваю я.

— Наверное, ничего, если сам предлагает. И потом, что значат для большого завода каких-то двадцать узлов! И не бесплатно ведь, не по спекулятивным ценам — по государственной цене, копеечка в копеечку. А главное — я ведь не для себя, для хозяйства. Кому хорошо будет, если у меня машины будут стоять! Конечно, если бы я мог те же дефицитные узлы купить поближе и не прибегая к знакомству, разве я стал бы...

Конечно, разве стал бы!

Разве стал бы ездить на поклон за несколько десятков верст, где ведется строительство на известном в стране горном курорте, чтобы купить у прораба двадцать тонн цемента! Разве стал бы, познакомившись на отдыхе с директором стекольного завода, сразу же невольно прикидывать в уме, какую пользу для хозяйства можно извлечь из этого знакомства!

Разговор как-то сам собой «выкатился» на ту колею, на которую я давно хотел его вывести, и только не знал, как это сделать.

Мы продолжаем беседу в директорском кабинете, в конторе совхоза. Контора — новенькая, двухэтажная, только весной въехали. Хотя, если говорить строго документально, это не контора, а общежитие. Так проходило здание в титульном списке, так значилось во всех строительных документах до самого завершения. Почему? Новый «штаб» совхозу был давно нужен, а среди существующих типов проектов не находилось ни одного такого, который бы соответствовал потребностям, да и, прямо скажем, престижу огромного хозяйства с миллионными доходами. Тогда взяли проект общежития, помараковали над ним, чуть удлинили по фасаду и принялись строить. И, говоря теоретически, в любой момент мог наехать банковский ревизор: как так, строится общежитие, а фактически — все говорят — контора, по «чужому» проекту, куда более дорогому, чем для конторы положено! Такая возможность и впрямь была скорее теоретической, ибо о том, что «дед» строит контору под маркой общежития, знали все, мне об этом рассказали еще в краевом центре. И все понимали, что управление у большого хозяйства — сложное и разветвленное, что, наконец, руководителю виднее, сколько ему нужно комнат, чтобы разместить необходимый штат. Ведь он же не лепных

амуров для потолка своего кабинета заказывал: строил скромно, на свои, совхозные деньги, но, конечно, так, чтобы и работать было удобно, и перед людьми стыдно не было. И все-таки, говоря откровенно, была некоторая в душе неловкость, потому как, неровен час, грянет какая-нибудь кампания, и тогда всякое лыко будет в строку. Правда, у «деда» — заслуженный авторитет, имя, звезда Героя, и все же...

И все же как поступать, если живое хозяйство, как живой организм, не может не расти, не развиваться, и хозяйства, как деревья, похожи и не похожи друг на друга, а твои возможности в использовании средств, которые лежат в банке на совхозном счету, жестко регламентированы? Они, конечно, не с неба свалились, эти ограничения, они тоже как-то экономически обусловлены, но, сколько это ни понимай, поневоле приходится ловчить и выкручиваться.

Вот сияет широкими окнами новенькая, свежевыбеленная восьмилетняя школа на одном из отделений колхоза. Две учительницы выходят на крыльцо.

— Каждый день благодарим совхоз за эту школу,— говорит одна из них.— В старой-то нам и тесно было, и холодно. А здесь — уютно, тепло. И главное, на односменные занятия смогли перейти...

Слушаю — и вспоминаю строки из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы»: «Обеспечить в основном в ближайшие годы перевод сельских школ на односменные занятия».

Выходит, правильно действовал, правильно рассудил в свое время «дед», честь и хвала ему за это!

Это с одной стороны — честь и хвала, а с другой

стороны, руководителя не столь авторитетного и заслуженного могли бы на его месте и к ответственности привлечь при случае. То, что выстроена школа тоже по проекту общежития, это еще куда ни шло. А вот то, что по документам это было никакое не строительство, а капитальный ремонт — совсем другая статья расхода — это уже более серьезное нарушение. Какой уж там ремонт: раскатали по бревнышку старую развалюху, а новое здание построили! Так же, между прочим, поступили и с клубом, находящимся по соседству: доколе смотреть людям кино в обветшалой деревянной церквушке, не имеющей никакой архитектурной ценности! Снесли старый клуб, новый — построили. Не бог весть какой, правда, тоже без архитектурных красот, но — каменный и теплый: в стоимость «капитального ремонта» удалось вписать еще и котельную, общую для школы и клуба.

Таким же, кстати, образом «капитально отремонтировали» одну из животноводческих ферм. И немало жилых домов. Их много белеет по совхозным усадьбам — ладненьких двухквартирных домиков, каждая квартира — из трех комнат и кухни. Иные, как и положено, построены за счет «строительной» статьи, другие — в порядке «капитального ремонта», по тому же способу: сносится какое-нибудь старье и на месте его, под тем же номером, становится новый дом, уже из двух квартир. Жилья совхозу нужно много — приходят в негодность сборно-щитовые, «финские» домики, выручавшие в пятидесятых годах, а население прибывает: желающих работать и жить в богатом, процветающем хозяйстве — хватает...

— Так ведь новое строительство небось обходится дороже самого капитального ремонта? — простодушно

спрашиваю я.— Наверное, достаточно одного взгляда на цифры, чтобы догадаться...

— А кто ж знает ту школу, например, какая она есть — большая или маленькая? А тот, кто знает, кто бывает у нас — тот и нужды наши знает, знает, что лимиты на строительство отпускаются малые, и не от хорошей жизни мы на всякую хитрость идем...

Я не экономист, тем более не экономист-аграрник. Я не полагаю наивно, что «свежий человек» со стороны может с маху разрубить узел, над которым годами ломают головы специалисты по развязыванию всяческих узлов. Понимаю, что все очень непросто, и недаром тот же «дед» говорит: разрешить всякому директору строить то, что он хочет, тоже вроде бы нельзя — таких дров наломают за государственный счет, что подумать страшно! Ведь не каждый, говоря начистоту, столь кристально честен, предан общему делу и неуязвим для соблазнов, иной, глядишь, и соорудит персональную баньку с баром и фонтаном, и ловко проведет ее в документах как реконструкцию общественного стадиона. Не все опять же одинаково талантливы и дальновидны, кто-то способен отгрохать, убив немало средств, Дворец культуры, который будет пустовать потом триста шестьдесят дней в году. Нельзя без контроля.

Но, простите меня за наивность, все во мне протестует, когда человек безукоризненной честности, радеющий только об общем благе, старается отвлечь внимание приехавшего ревизора от построенного при совхозной больнице здания амбулатории, возит гостя по территории совхоза вполне добросовестно, но с таким расчетом, чтобы он утомился и сам отказался от поездки в то село, где возводится «внеплановое» строение: и так, мол, ясно, все в порядке!

Много ли толка с запретов, которые все равно нарушаются на каждом шагу и не могут не нарушаться? Что за прок запрещать директору покупку через потребкооперацию некоторых строительных материалов, если он все равно их в конце концов купит: через того же прораба, через знакомого председателя колхоза, который сейчас располагает в некоторых отношениях большими возможностями? Или есть некая объективная «сермяжная правда» в том, чтобы те же строительные материалы добывал себе — всеми правдами и неправдами — только тот, кому это действительно позарез необходимо в хозяйстве, и никто не создавал себе запасов «на всякий случай»? Но эта «сермяжная правда» слишком дорого обходится. Ведь, кроме всего прочего, вынужденные, становящиеся нормой нарушения, о которых все знают, понимая, что без них не обойтись, имеют одно важное нравственное последствие: снижается авторитет государственных установлений, инструкций, правил.

И не только в сельском хозяйстве, между прочим. Надо, скажем, небольшому городскому учреждению встретить в аэропорту гостя из Москвы, того же ревизора, может быть. Самолет прибывает ночью. Заказывается такси. Современные аэропорты расположены, как правило, довольно далеко от города. Туда-сюда, плюс ожидание — выходит не меньше десятки, если не больше. А транспортные расходы учреждению не предусмотрены. Тогда изыскивается средство, как бы покрыть их за счет другой статьи: пишется «верным человеком» какое-нибудь фиктивное заявление, расписка или что-нибудь в этом роде. Никто не в убытке, никто не нажился, да и суммы в большинстве случаев не бог весть какие. Только инструкцию нарушили, да ведь это уже привычно!..

У меня нет рецептов, что надо сделать немедленно. Разные люди по ходу дела высказывали различные соображения. «Дед», например, полагает, что нельзя подходить ко всем хозяйствам с одной меркой, что хозяйствам, достигшим определенного — достаточно высокого! — уровня, хозяйствам, руководство которых многими годами стабильно успешной работы доказало свою деловую зрелость, надо предоставлять более широкие права. Пусть таких хозяйств будет немного — само существование их будет реальным стимулом для других. Во всяком случае, издержки создавшегося положения видят многие, на самых разных уровнях, и не могут об этом не думать.

Рабочие из районной строительной организации асфальтировали площадку перед завершаемым совхозным Домом культуры. Двое разбрасывали лопатами дымящуюся черную массу, один трамбовал ее ручным катком.

— Напрасная работа,— сказал один из мужчин, собравшихся вечером на лавочках у конторы.—Полезут корни тополевые, стебли всякие — разворотят, как пить дать! Тут ведь не в городе, на живую землю асфальт кладут.

— Разворотит — починим,— возразил другой.— Невелик пятачок. А все можно будет в клуб в хороших ботинках даже осенью прийти.

— А не велик ли будет клуб, не слишком ли размахнулись? — усомнился третий.

— Какое, еще мал будет,— ответили ему.

В палисадниках у домов пестрели цветы — великое множество цветов. Тоже знамение последних лет: высвободились для цветов и время, и кусок земли, и главное, место в душе. И потому решение дирекции —

запретить сажать перед домом что-либо кроме цветов — встретило всеобщую поддержку. Огороды спрятались за домами.

Совхоз жил, на глазах рос, развивался — по законам жизни. А жизнь, как известно — субстанция непрерывно движущаяся. Дни идут, и каждый приносит с собой что-то новое. Проблемы, с которыми сталкивался в своей повседневной хозяйственной деятельности «дед», стали в последние годы предметом пристального общественного внимания. Плодотворной была дискуссия «Экономика и право», прошумевшая на страницах «Литературной газеты». Постепенно — хотя и не так скоро, как хотелось бы,— умирают обветшавшие правовые нормы, уступая место новым, более соответствующим современному уровню хозяйствования. Совершенствуется система хозрасчета в совхозах, открывая более широкий простор инициативе местных руководителей...

Значит ли это, что все вопросы уже решены и можно успокоиться?

Нет, конечно.

А вернее всего — спросите об этом у самого «деда»!

2. Памятник жатве

Так бывает каждую осень: отгремит уборочная страда, улягутся в толстые подшивки газетные полосы с боевыми репортажами да с портретами героев — и редко кто потревожит их потом. А у села — новые заботы: ремонт техники, подготовка к севу, сев, а там, глядишь, и новая уборка...

Извечный круговорот!

И все же хотелось бы, чтобы помнилась, не забы-

лась уборочная страда 1972 года в Сибири: особая она была. Особая — по своей трудности. И по героичности своей — без преувеличений.

Хлеборобы говорили: такой страды не бывало много лет. За трудной весной, задержавшей сроки сева, последовало трудное для хлебов, скупое на солнце лето, за ним — еще более трудная, холодная и дождливая осень. Хлеб вырос богатый, густой, но созревание его запоздало. А осень ждать не хотела: пошли дожди, холодало с каждым днем...

В эти-то дни и взял я в кассе новосибирского вокзала билет на знаменитый «сто пятый» поезд Новосибирск — Кулунда. Почему именно на этот поезд, почему до станции Баган — о том речь впереди.

Прямо в поле, у комбайнов, на полевых станах и в совхозных конторах рождались строки стихов и прозаические заметки.

Я не полагал самонадеянно, что мои стихотворные и прозаические строки прямо и существенно на что-то повлияют. Но, может быть — думалось,— кого-то они согреют, кого-то поддержат в трудную минуту...

Во всяком случае, писались они искренне и с волнением.

Итак, Баганский район, осень 1972 года...

Пейзаж

Лежат в степи нечастые поселки,
Лежат проселки в оттисках колес.
Стоят в степи оранжевые колки
Осенних облетающих берез.

И если снова пасмурна погода,
И солнце пропадает в серой мгле,—

Листвой горящей
в это время года
Березы людям светят на земле!

А солнца нет. Которую неделю
Его не видят здешние поля.
Не верится: неужто в самом деле
Вкруг Солнца обращается Земля?

Но хлеб взращен. Под низким небом хмурым,
Под бахромой нависших облаков
«Саратовскую», красную «мильтурум»
Комбайны подбирают из валков.

Добротный хлеб! При мне комбайнер старый
Не мог сравненья в памяти найти:
По двадцать шесть, по двадцать семь с гектара,
А кое-где — до сорока пяти!

Лишь кое-где хлеба зеленоваты:
Хоть уродился строен и высок,
Но лето было солнцем небогато,
И не дозрел, занежась, колосок.

Но это — лишь участками, местами,
А в целом — неспроста душа горда...
Так что ж, хлеба́, что вырастили сами,
Уступим непогоде? Никогда!

Все уберем! Осилим силу эту,
Как в битве — не отступим ни на шаг!
И движутся комбайнов силуэты,
И хлеб на ток везет шофер Мысак.

И пусть недобро дали лиловаты,
И снова капли шелестят в листве,—
Он в эту ночь еще на элеватор
Успеет сделать ездку или две.

Он трудится спокойно и степенно,
Как долг велит — за совесть, не за страх,

И это видит молодая смена
И держит руль увереннеи в руках.

Вот так всегда: когда придется туго,
И солнца нет, и небо в серой мгле,
Глядят с надеждой люди друг на друга,
И люди людям светят на земле!

Разговор в пути

Выстлано поле валками большими.
Глянешь вблизи: что ни колос — колосс!
Едем, беседуя, в автомашине
С Виктор Иванычем в ближний совхоз.

Делаю быстро пометки в блокноте,
Чтобы потом ничего не забыть:
«В нашей, вы знаете, сельской работе
Главное — это *чувствительным* быть.

Здесь ты всегда на виду перед всеми,
Хочешь не хочешь — искусством владей
Чувствовать новое, чувствовать время,
Чувствовать мысли и чувства людей.

Только не чувствовать чувства покоя:
Это опасно...
Вот, скажем, теперь
В людях господствует чувство такое:
Вырастил хлеб — убери без потерь.

Скажете: это — обычнейший лозунг?
Что ж, если так, подсчитайте тогда,
Сколько в любой из пшеничных полосок
Пота людского, тревоги, труда.

Кстати, возьмите себе на заметку:
Едем вдоль поля почти полчаса.

Наши баганские полосы — это
Вам не некрасовская полоса!

Лишь бы погода держалась посуше —
Каждая туча угрозу таит.
Не разглядят только черствые души
То, что за «лозунгом» нашим стоит.

В поле дорога все крутит и крутит,
Хмурое небо над нами плывет.
«С хлебом не шутят, над хлебом не шутят»,—
Строчка за строчкой ложится в блокнот.

Первое прозаическое отступление

С Виктором Ивановичем Клочковым, первым секретарем Баганского райкома партии, мы знакомы уже давно. Познакомились... в Египте! Виктор Иванович возглавлял нашу туристскую группу — и выполнял эти обязанности с таким умом и тактом, какие обнаруживаются далеко не у всякого.

В тени пирамид, у знаменитого храма царицы Хатшепсут, у нас нечаянно, сами собой вспыхивали разговоры о сибирских, кулундинских проблемах.

Помню эпизод в поезде, шедшем из Луксора в Асуан.

Уже в темноте мы остановились на какой-то станции.

Тотчас к окнам освещенного вагона приклеили свои любопытные носы местные ребятишки. И, как на грех, именно в эту минуту нам принесли ужин. Вкусный, разнообразный ужин «для иностранцев». В глазах у ребят мгновенно появилось нечто большее, чем простое любопытство: дети арабских деревень, они пока что не были

избалованы не только разносолами, но и просто сытостью. Любой, кажется, готов был в эту минуту отдать этим малышам все, что лежало перед ним на тарелке. Но... окна и двери были плотно закрыты.

Больше всех разволновался Виктор Иванович. Он еще днем тяжело вздыхал, глядя на пролетавшие мимо деревни:

— Бедно, бедно еще люди живут!

И ругал проклятое наследие колониализма.

Чувствовалась за его словами душа доброго хозяина, хлебороба, которому хочется всех накормить и обогреть.

Виктор Иванович не раз приглашал к себе в баганские степи. И осенью семьдесят второго у меня не было колебаний, куда ехать, какой район выбрать.

— Завершаем выполнение задания народнохозяйственного плана,— рассказал мне Виктор Иванович в своем кабинете.— Будем сдавать хлеб дальше. Хотим перевыполнить не только план, но и наше обязательство. А сейчас приглашаю на элеватор — будем чествовать три наших хозяйства, завершивших план: Палецкий, Мироновский совхозы и Северо-Кулундинскую опытно-показательную станцию...

Митинг на элеваторе

Как повелось у нас в России
С давнишних пор, из края в край,—
На полотенце выносили
Красивый, пышный каравай.

Румяный. Свежеиспеченный!
С волненьем силясь совладать,
Руководители района
Его склонялись целовать.

Стояли рядом, шапки сбросив,
Уборки передовики.
На них, как скатки, из колосьев
Тяжеловесные венки...

Иной поморщится: «Не будем
Впадать в восторг. Не та пора!
Зачем серьезным взрослым людям
Вся эта детская игра?»

И завершит категорично:
«Былое поросло быльем.
Поменьше митингов различных,
Побольше действуйте рублем!»

А что же я, друзья, на эти
Слова могу сказать в ответ?
Мы перед хлебом все — как дети
И в пять, и в шесть десятков лет.

Что до рублей — тут дело просто,
И я могу упомянуть:
Серьезный, жизненный вопрос тот
В районе не забыт отнюдь!

Но верю истинам старинным:
Оплата как ни хороша,
А все же не рублем единым
Жива крестьянская душа!

На приеме у Севрюкова

Конечно же, это нисколько не тайна,
Конечно же, знают и малые дети,
Что занят сегодня
водитель комбайна —
Как важный начальник в своем кабинете.

Его «кабинет» необычно просторен,
В его «кабинете» проносятся птицы,

И воздух в его кабинете настоен
На листьях осенних, на спелой пшенице.

А время — торопит. Уж благо, что сухо,
Как брызнет — прибавит втройне канители!
А тут еще вспомнится: «белую муху»
Стряхнул с рукава на минувшей неделе.

Да, время торопит. Торопит сурово!
...И все ж я сумел,
                              как газетчик-заноза,
Пробиться в тот день «на прием» к Севрюкову —
Комбайнеру
                    Палецкого совхоза.

Прием состоялся в момент остановки,
У самой машины, развернутой круто.
Прием проходил в деловой обстановке:
«Могу уделить вам не больше минуты».

Конечно, по скромности (все-таки — гости!)
Он вслух ничего не сказал мне такого,
Но вы сомневаться, товарищи, бросьте:
Все точно прочел я в глазах Севрюкова.

И сам «просигналил» я вместо ответа:
«Подобную занятость я уважаю,
Поскольку известно, что занятость эта
Касается прямо судьбы урожая!»

Однако беседа у нас состоялась:
О свале, подборке, опять о погоде.
Потом он сказал: «Подтолкнули бы малость
Товарищей на Красноярском заводе!..»

И мы обсудили в рабочем порядке
Различных потерь и задержек причины,
Комбайн «Сибиряк» и его недостатки
(Они таки есть у прекрасной машины!).

...Потом он рукой помахал мне, отъехав:
«Зимой навещайте! Подробней обсудим!»

И сердце желало
дальнейших успехов
Действительно нужным
и занятым людям!

Второе прозаическое отступление

Разговор у нас с Петром Ефимовичем Севрюковым (кстати сказать, удостоенным как раз в те дни звания заслуженного механизатора России) шел серьезный.

Слов нет, намного превосходит нынешние комбайны предыдущее «поколение» (так модно сейчас говорить) сельскохозяйственных машин. Вот хотя бы один штрих: прежде, бывало, в какое хозяйство ни приедешь, непременно услышишь о различных усовершенствованиях, которые вносят в технику механизаторы, применяясь к местным условиям, к погоде. Описания и чертежи этих приспособлений печатались в газетах под рубрикой «Передовой опыт». Нынче надобность в такой технической самодеятельности в значительной мере отпала: современные комбайны мощнее, надежнее, универсальнее.

— А что в нем доделывать? — кивнул Севрюков в сторону своего комбайна.— Разве что вот — кабину...

В самом деле — даже странно: до самого последнего времени красноярские «Сибиряки», не говоря уже о ростовских СК-4, выпускались без кабины для комбайнера, рабочее место его находится на открытом воздухе. Как будто не знали создатели комбайна, что в Сибири уборка урожая нередко завершается уже в холодные дни, при температурах, близких к нулю!

На одной из полос мы встретили машину молодого, двадцатидвухлетнего комбайнера Виктора Тверитнева.

— Золотой парень! — сказал о нем директор Палецкого совхоза Михаил Павлович Шиян.— Умелец! Уже иных «стариков» кое-чему научить может. А со временем будет большой мастер!

Виктор сам, как мог, оборудовал себе кабину.

— Уже легче,— говорит он.— Пыль в глаза не летит, не надо в очках сидеть. И ветер не так прохватывает. В нынешних условиях это очень заметно...

Я спросил у М. П. Шияна:

— Чем можно объяснить этот удивительный факт, что наши конструкторы, неустанно совершенствуя техническую часть комбайнов, так неохотно и медленно решают вопросы, связанные с удобствами для комбайнеров? Помните, понадобились десятилетия, чтобы для них появились хотя бы сиденья — на знаменитых многократно воспетых «мостиках» капитаны степных кораблей вынуждены были стоять на протяжении всего дня. И вот теперь — кабины...

— Ума не приложу, в чем дело. Наверное, создатели машин все-таки далековаты от реальной жизни. К примеру, в наших местах мы кого только не видели — и знаменитых артистов, и поэтов! А конструкторов сельскохозяйственной техники не видали ни разу. Оно, конечно, районов в России много, где-то испытываются образцы новых машин. Но, должно быть, испытываются они в иных, близких к идеальным, условиях. А побывали бы конструкторы у нас, поглядели бы на наших комбайнеров в двойных телогрейках, сделали бы сами круг-другой по полосе — задумались бы!

В последнее время стали, наконец, поступать «Сибиряки», оборудованные кабинами. А как быть с прежними? Ведь им еще не один год работать. Нельзя ли, подсчитав потребности, снабдить хозяйства комплектами ка-

бин? Может быть, это возьмет на себя Красноярский комбайновый завод? Это — не мелочь! Это — вопрос удобства, здоровья, производительности труда героев сибирской жатвы...

А герои они — в полном смысле слова!

Портрет

Крепкий, роста великанского,
Весь обветрен, светлобров,
Из совхоза из Баганского
Бригадир В. М. Щедров.

Говорил слова степенные:
— Где вокруг ни поглядишь —
Здесь у нас хлеба отменные,
Впрямь не колос, а камыш!

Залюбуешься картиною:
Просто — море-океан!
Только жаль — солома длинная
Забивает барабан!

Больно часто забивается —
В пору технику сломать!
Это в шутку называется:
«Зайца» на поле поймать!

Говорит — а сам кумекает.
Там навалится плечом,
Там — подкрутит гайку некую
Толстым гаечным ключом.
Все в ходу: отвертки, ломики...

Хорошо, что на земле
В век всесильной электроники,
Пультов, кнопок и реле
Есть могутные, плечистые,

Всем невзгодам вопреки,
Мастера, умельцы истые,
Крепкие сибиряки!

Вот на поле свежескошенном,
Излечив комбайн «больной»,
В сапогах, в плаще поношенном
Он стоит передо мной,
Человек земного звания,
Не из сладких «мужичков»...

«Поэтичное создание!» —
Мне сказал о нем Клочков.

Двойной портрет

Мотор вдали замрет — и снова
Работает, звенит...
Знакомьтесь: братья Ивановы,
Иван и Леонид!

В тот день на поле не случайно
Я встретил вместе их.
Шли «встречным курсом» два комбайна,
Два корабля степных.

Два капитана увидали
Друг друга: «Здравствуй, брат!»
Два капитана помахали
Друг другу: «Здравствуй, брат!»

...Как это выглядит красиво:
Осенняя листва,
И золотеющая нива,
И неба синева,

И женщин пестрые косынки,
И в бликах солнца — флаг!..
Я это видел. На картинке.
А нынче — все не так.

Сегодня труден каждый колос:
Страда — вдвойне страда!
Сегодня в поле хрипнет голос,
Поскольку — холода.

И злобен ветер, как стервятник —
Осенний ветровей.
И потому на свитер — ватник,
Ушанка — до бровей.

И сразу на руки надеты
Две пары рукавиц,
И покрывает пыль планеты
Черты усталых лиц!

...Стояли братья-хлеборобы.
— Кто старший? Сам суди!
Кто впереди сегодня? Оба
Сегодня — впереди!

В стихах, а также и в романах
Я читывал не раз:
Не на китах, а на Иванах
Земля стоит у нас.

Идут года, идет работа,
Всем — по рабоче честь.
Иванов ныне меньше что-то,
Но Ивановы — есть!

На свете хлеб — всему основа,
Во все века — един...
Спасибо, братья Ивановы,
За хлеб, что мы едим!

И все же как бы ни были заняты люди сиюминутными проблемами — находилось время и для разговора на темы более широкие, более общие: о завтрашнем дне, о «смене поколений» в сельском хозяйстве. Одна из таких бесед стала стихотворением:

Директор говорит

Директор говорит:
«Спасибо кадрам старым!
А все-таки болит
Душа моя недаром!

И повторю стократ:
Обидно это все же!
Я выдвинуть бы рад
Иного помоложе,

А он — и смех и грех! —
Кривится, как от боли:
«Да что мне, больше всех
На свете надо, что ли?

За всех — ночей не спать
До самого рассвета,
Тревожась, что опять
Неладно что-то где-то?

Нет, это не по мне!
Не рвусь к большому чину!
Достаточно вполне,
Что знаю я машину

И только лишь за свой
Участок отвечаю —
И больше, чем иной
Начальник, получаю!»

Директор замолчал,
И колосок ядреный
На полосе качал
Головкой ограненной.

Стоял и думал я
Под рокот обмолота:
Ровесники, друзья,
Тут впрямь неладно что-то!

Пришла пора кончать
Уклончивые речи,
Пора смелее брать
Ответственность на плечи —

За ферму и совхоз,
За ниву наливную,
За всю страну,
до слез
Любимую,
родную!

Уже не одна жатва с той поры миновала.

Но всякий раз, когда на газетной полосе появляются первые сообщения о скошенных гектарах пшеницы, о первых центнерах намолота,— мне вспоминается уборка 1972 года, самая трудная из всех, какие мне довелось видеть. Пусть помнят о ней люди!

1972—1974

СОДЕРЖАНИЕ

Илья Олегович Фоняков

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Редактор **А. Г. Перепелицкая**
Художник **Ю. И. Батов**
Художественный редактор **В. Я. Мирошниченко**
Технический редактор **Л. М. Беседина**
Корректор **Л. В. Конкина**

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подписан в печать 29/IV-75 г. Формат бум. 70×108 1/32. Физ. печ. л. 2,25. Усл. печ. л. 3,15. Уч.-изд. л. 2,98. Изд. инд. ХД-38. А05900. Тираж 30 000 экз. Цена 12 коп. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия». Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.
Заказ № 110.

12 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»